

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

19
(612)

Эдуард Полянский
ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ!

Я, Эдуард Иванович Полянский, родился тридцать лет наза́д в один из августовских вечеров. Как сейчас помню, за окном чихала лошадь, накрапывал дождь. Акушерка дала мне зонтик и попросила сбегать за папиросами. На сдачу я купил свежий номер «Крокодила», в редакции которого сейчас работаю. Просьба к читателям посодействовать автору в розысках акушерки. Он хочет вернуть ей долг. Зовут ее Серафима Петровна. На правой щеке у нее родинка.

Эдуард Полянский

ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ!

Короткие рассказы

Рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА 1970

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ

— Ну вот, явился,— сказал я, войдя в кабинет худрука.— Прочел объявление, что клуб набирает самодеятельность, и решил откликнуться.

— Это похвально, молодой человек,— вяло отозвался худрук.— На чем специализируетесь? К какой сфере искусства имеете тягу?

— Конкретно ни к какой,— огорченно признался я.— Тянусь сразу ко всем сферам.

— Это бывает,— успокоил меня худрук.— Сейчас мы вас послушаем и пропишем нужную сферу. Мне почему-то кажется, что вы поете.

— И мне кажется! — обрадовался я.— Вот иногда радио поет, а я ему задушевно так подпеваю. Поначалу даже трудно разобраться, кто лучше поет: оно или я.

— Вот и расчудесно,— сказал худрук и, подняв крышку пианино, заиграл популярную мелодию.— Начинайте.

— Мне неловко при вас,— сказал я ему.— Если можно, выйдите из кабинета, я тут сам спою.

— Для кого споете? — явно нервничая, спросил худрук.

— Ни для кого,— спокойно пояснил я.— Для души. Но постараюсь, чтобы меня было слышно в коридоре.

Хлопнув крышкой пианино, он вышел.

Я откашлялся, встал на стул, сделал по примеру артистов рукопожатие на уровне груди и, закатив глаза, кой-чего спел.

Минут через десять остатками голосовых данных я пригласил худрука в кабинет.

— Ну что же, молодой человек,— сказал он, стремительно направляясь к столу,— голос у вас силы необыкновенной. Почти из всех комнат люди повывскакивали. Жаль только, слуха у вас нет.

— Это, наверное, оттого, что я сам себя во время пения заглушаю,— предположил я.— Может, сплясать?

— Не нужно!— испугался худрук.— У нас потолок хлипкий.

— А я потихонечку, на цыпочках.

— Все равно не нужно. Лучше почитайте что-нибудь. Басню «Ворона и Лисица» помните?

— Ну как же, как же, выдающаяся басня. Ворона там еще на дереве сидела. Взяла и каркнула. Вот идиотка! Кстати, вы не знаете, какого сорта был у нее сыр? Если «Степной», то и жалеть нечего.

— Не знаю,— честно признался худрук.

— А здорово ей эта плутовка про голосок и перышки заливала. Умрешь со смеху. А она взяла и развесила уши. Я бы ни за что лицу не поверил. А вы?

— И я бы не поверил,— кисло сказал худрук.— Так я жду.

— Чего ждете? — заинтересовался я.

— Когда вы прочитаете басню.

— Как! Прямо так сразу?

— А чего тянуть? Читайте.

— Ну, глядите: я ведь к выступлению не подготовлен.

Я залез на стул и мгновенно произнес ему эту басню. Он схватился за голову и округлившимися глазами уставился на меня.

— Где же у вас,— спрашивает,— знаки препинания?

— Я их забыл,— говорю.— Слова помню, а знаки забыл.

Он потер виски, велел мне слезть со стула и взялся за телефон.

— Слушай, Сергей Никанорович, как у тебя с голосами за сценой? — спросил он у кого-то.— Не ощущается нехватки? Я подошел одного человечка. По-моему, у него прекрасный голос за сценой.

Я услужливо взял у худрука трубку и положил ее на рычаг.

— Рад был познакомиться, друг мой,— сказал он, похлопав меня по плечу.— Артистических данных, простите, у вас никаких. Но это неважно. Главное, что вы тянетесь к прекрасному.

И я, влившись в театральный коллектив, стал вместе с остальными его членами из всех сил тянуться к прекрасному. Только они тянулись при ярком освещении, на глазах у всего зала, а я тянулся за кулисами и что-нибудь выкрикивал оттуда. С полгода потрудившись на этом невидимом фронте, я сделался популярным голосом за сценой и решил показаться на публике. В одном из спектаклей, когда гришло время голоса за сценой, я выбежал в своем новеньком дакроновом костюме на середину сцены, где герои пили чай, и, подсев к ним, громко крикнул: «Кому вилки, ножи точить?» Исполнители от неожиданности начали ронять чашки, а один из них, по пьесе Константин, а в жизни Павел, чтобы как-то заполнить на-

ступившую паузу, спросил у меня: «А ножи от мясорубок тоже точите?» «Точу»,— сказал я, наливая себе чай, который оказался водопроводной водой. «А ножницы?»—не растерялся Константин—Павел. «И ножницы тоже»,—успокоил я его, взяв со стола пирожное. «Ну а эти... сабли?» «Можно и сабли»,—сказал я, швырнув пирожное на скатерть (оно оказалось бутафорским).

После того как Константин—Павел осведомился у меня насчет рапир, шпаг, мечей, секир и дротиков, занавес закрылся.

— Как ты находишь мой дебют? — с интересом спросил я у Константины—Павла, похлопав его по щекам, чтобы привести в чувство.

Он открыл глаза и тихо спросил:

— Ну, а наконечники для стрел точите?

— Вот чего не точу, того не точу,—признался я.

В своем стремлении выйти на зрителя я был готов смести любые преграды. Режиссер понял это и поручил мне роль королевского стража. Меня нарядили в средневековые одежды, дали меч и поставили у трона королевы. Весь первый акт я не проронил ни слова. Во втором акте мне стало обидно, что все внимание зрителей поглощено королевой и ее придворными. Я встал за трон и сделал королевские рожки. Зрители, конечно, сразу заинтересовались мною. Для закрепления успеха я вернулся на место, скорчил несколько гримас и спел куплет из песни про короля, который «с войны возвращался домой».

Третий акт я простоял в самом темном углу сцены, дыша исключительно через нос, так как королева, оторвав кусок материи от своего платья, запихала его мне в рот.

В четвертом акте я понял, что правды в ногах нет, и, доковыляв до трона, сел рядом с королевой.

— Извините, ваше величество, у меня что-то поясницу ломит,—сказал я ей, с благодарностью возвращая кусок платья.—Да вы сидите: стул большой, места всем хватит.

Но она почему-то обиделась и, отклонившись от текста, велела отрубить мне голову.

Придворные с радостью бросились исполнять волю королевы. Пришлось позорно бежать со сцены и вернуться к своему обычному амплуа.

— Насчет головы там не сказано!—крикнул я голосом за сценой.

ВМЯТИНА НА ПЕСКЕ

Эти мысли застали Ногтева воскресным утром, когда он находился в ванне и намыливал себе голову. Мыльная пена попала в левый глаз и дала двойную нагрузку правому, заставив его смотреть на мир более обостренно и пытливо.

Ногтев неожиданно заметил всю незатейливость окружающей обстановки. Сверху на веревке сох бюстгальтер жены; он наполовину загораживал и без того тусклую лампочку. На стене, болезненно втянув живот, синела грелка. Около белого колена Ногтева плавала похожая на медузу мочалка.

«Что я, собственно, делаю в обществе этих малоблагородных вещей? — ужаснулся Ногтев. — Ну не чудно ли? Сам добровольно заперся в столь малом пространстве, разделся до абсолютной обнаженности и погрузил свое тело в какую-то лохань. Зачем мне это? Для успокоения нервов и поддержания жизненных сил, как говорит жена? Чепуха!» — все более раздражался Ногтев.

Жена встретила его словами:

— С легким паром!

— С каким таким паром! — взорвался Ногтев. — Откуда тебе известно, что он легкий? Или ты его взвешивала? И где он, пар-то, покажи. Дай мне потрогать его руками.

— Откуда же я его возьму? — удивилась жена. — Просто так принято говорить.

— Много чего принято. А мы как попки повторяем, не вдумываясь в смысл наших слов и поступков. А когда на склоне лет вдумываемся, то видим: вся жизнь состояла из сидения в ванне, шатания по улицам да ненужной болтовни.

— Успокойся, натошак вредно волноваться, — захлопотала жена у стола. — Садись ешь.

— Ну вот, опять садиться, — вздохнул Ногтев. — Не успел от одного места оторваться, как приходится пригвозждать себя к другому. И так многие годы — сплошные приподнимания и опускания. Не жизнь, а гимнастическое упражнение. А это что такое?

— Разве ты не видишь? Антрекот с молодым картофелем.

— Иными словами, пища, — кивнул Ногтев. — А зачем она мне?

— Чтобы поддержать жизненные силы, — сказала жена.

— А зачем они мне, жизненные силы? Скажи: создал ли я за свою жизнь что-нибудь? То-то и оно! Все время спекулировал.

— Ты, наверное, заболел, — испугалась жена и потрогала у Ногтева лоб. — Каждый устраивается, как может. Ты нашел себя в деле перепродажи плодов юга населению севера. Все у тебя есть: кооперативная квартира, дача на море, машина, четыре сберкнижки. К чему тебе еще стремиться?

— В том-то и дело: не к чему больше стремиться. Все достигнуто,— мрачно ответил Ногтев.— Не покупать же вторую дачу или вторую машину. Так ради какого, спрашивается, интереса продолжать существование?

— Ради нашей любви! — взвизгнула жена.

— Ах, ради любви? Любовь призвана вдохновлять человека на подвиги! А ты на что меня вдохновляешь?

— На жизнь! — патетически воскликнула жена.— На радостную, зажиточную жизнь.

— На жратву, значит. Любить, чтобы более вдохновенно и радостно пожрать! Нет, ты скажи: как я прожил жизнь? Что прикажешь высечь на моем надгробном камне? Сколько тонн еды я проглотил и сколько раз обнимал свою жену?

За разговором Ногтев не заметил, как уплел пару антрекотов.

После завтрака супруги отправились к морю по бульвару, полному курортников.

— Среди чего мы находимся? — говорил Ногтев жене.— Мы находимся среди домов, фонарей, телефонов-автоматов и других предметов, созданных не нами. И в минуту нашей предсмертной агонии ни один столб не содрогнется, ни один телефон-автомат не даст тревожного звонка. А люди? Люди проводят нас в последний путь бурными аплодисментами, приветствуя наш единственно правильный поступок в жизни.

На пляже они быстро скинули с себя одежду. Посидели несколько минут на песке, чтобы остыть от ходьбы, и осторожно ступили в воду. Жена Ногтева плавать не умела и осталась плескаться около берега, а он проплыл метров десять, лег на спину и задрейфовал.

«Теперь я нахожусь не в ванне, а на поверхности необъятного моря,— думал он, глядя в небо.— Здесь и потолок повыше и солнце не заслонено бюстгальтером. Так отчего же мне беспокойно? Значит, дело не в объеме бассейна, а во мне самом: как я прожил жизнь?»

Он скользнул взглядом по берегу. Жена стояла, держа над собой зонтик, около аккуратно сложенной одежды. Рядом Ногтев различил две вмятины на песке: здесь они сидели с женой до купания.

Задумавшись, Ногтев потерял равновесие и на мгновение ушел под воду. Потом вынырнул, беспорядочно замахал руками и стал звать на помощь. Его испугала мысль: он утонет, и в этом мире останется от него только один след — вмятина на песке.

Ногтева спасли.

ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ!

Литсотрудник я в отделе писем. Работа сложная. Требуется эрудиция, напряжения мысли и, прошу особо заметить, усердия.

Приходит, скажем, такое письмо:

«Дорогая редакция! Меня зовут Катей. Вот уже несколько лет я мучаюсь, несмотря на все успокоения моей мамы. Дело в том, что у меня торчат уши. Напишите, где исправляют такой дефект?»

Я надолго задумываюсь над ответом. Как помочь Катиным ушам принять правильную форму? Может, Шацкин из отдела культуры знает? У него уши почти перпендикулярны к голове.

Иду к Шацкину.

— Слушай, Шацкин, тебе уши не мешают?

Шацкин угрожающе встает из-за стола.

— Мне очень важно знать, — задумчиво продолжаю я, — не мешают ли они тебе в повседневной жизни? Не задеваешь ты ушами дверные косяки или, к примеру, оконные рамы?

Шацкин тупо смотрит на меня.

— Да ты, — говорю, — не обижайся. Лично у меня никаких претензий к твоим ушам нет. Чисто деловой вопрос, ты должен быть в курсе: способна современная медицина по желанию пациента менять форму ушей?

Шацкин открывает дверь и выбрасывает меня из кабинета.

Катино письмо я откладываю и приступаю к следующему. На розовой промокашке читаю:

«Дорогая редакция! Мой рост составляет 1 метр 50 сантиметров. Я чуть ли не каждую ночь реву. Неужели ничего нельзя предпринять? Извините меня. Я бы не беспокоила вас, если бы у меня было хоть на четыре сантиметра больше. Спасите. Ваша Надя З.»

Мне становится жалко Надю З. Не очень-то, думаю, приятно быть полутораметровой. Все люди смотрят на тебя сверху вниз, а ты на них, наоборот, снизу вверх. Этак и шея может устать. Но что же посоветовать ей? Попробовать с Таней из отдела оформления поговорить? У нее тоже небольшой рост.

Иду в отдел оформления к Тане.

— Привет, старуха. Ну-ка, оторвись на минутку от стула.

Таня встает, я хватаю со стола линейку и измеряю ее рост.

— Так. Ровно полтора метра. Именно ты мне и нужна. Поговорим откровенно о твоей беде.

Таня недоуменно улыбается.

— Танюша! — душевно продолжаю я. — Брось, милая, это бодря-

чество. Я знаю, тебе нелегко. Небось, по ночам подушку слезами орошаешь? Поверь, маленький рост не такая уж трагедия...

Таня тупо смотрит на меня.

— Только,— говорю,— не обижайся. Лично меня твой рост вполне устраивает. Я лишь хочу выяснить, что рекомендует современная медицина в области подрастания людей.

Таня начинает медленно пунцовать...

Не могу видеть зареванных лиц. Я спешно покидаю отдел оформления и возвращаюсь к своим письмам.

Автор третьего письма сообщает:

«Своей правой лопаткой я доволен, чего не могу сказать о левой. Левая вызывающе выпирает из спины, нарушая все допустимые нормы эстетики. И когда я случайно натыкаюсь на нее рукой, настроение мое близко к унынию».

Иду в коридор и приглядываюсь к лопаткам коллег. К кому приглядываюсь, а кого и рукой как бы случайно задеваю. Владельцем самых негармоничных лопаток оказывается ответственный секретарь.

— Николай Васильевич, у тебя лопатки с рождения такие или ты их в процессе, так сказать, жизни вывихнул?

Ответственный инстинктивно хватается за лопатки.

— Должно быть,— сочувственно продолжаю я,— такие лопатки причиняют массу хлопот. Спать, наверное, неудобно. В общественном транспорте они беспокоят окружающих. А летом, когда они некрасиво топорчатся под рубашкой, вообще стыдно и на улице показаться. Впрочем, меня твои лопатки не шокируют. Пусть себе торчат.

Николай Васильевич тупо смотрит на меня.

— Ты,— говорю,— Николай Васильевич, не обижайся. Я пришел по делу. Будь добр, ответь на вопрос: неужели современная медицина не в силах вправить этот вывих?

Расстались мы без взаимопонимания. Ответственный секретарь бросил мне вслед огромный импортный фламастер. Не пожалел.

Я возвращаюсь к письмам. Они продолжают ставить передо мной новые неразрешимые вопросы. Что ответить десятикласснику, у которого во время обеда регулярно краснеет нос? Как выпрямить кривые ноги и изменить разрез глаз? Подобную информацию не почерпнешь ни в одном справочнике. И я слежу в столовой за цветом носов, внимательно присматриваюсь к ногам. Возможно, коллеги, страдающие недостатками моих корреспондентов, что-нибудь и посоветуют. Но с коллегами контакта не получается. В лучшем случае меня вышвыривают из кабинетов, вынуждают спасаться бегством или посылают к черту.

Им не понять моего усердия. Для этого надо поработать в отделе писем...

Сегодня счастливый день: я ответил на письмо, не сходя с места.

Петр Синицын из Одногорска, обладатель головы, имеющей форму груши, просил прислать рецепт для исправления этого дефекта.

«Дорогой Петр Синицын! Незамедлительно отвечаю Вам. Исправить Вашу голову путем операции нельзя: консультировался в Институте нейрохирургии имени академика Бурденко. Не поможет и специальное питание, так как при этом способе увеличение верхней части головы сопровождается увеличением ее нижней части. Советую Вам носить массивный головной убор. Это скроет ваш дефект».

Тут все написано со знанием дела: моя голова похожа на грушу.

ЧТО СЕБЕ ПОДАРИТЬ?

— Интересно, какой подарок вы мне преподнесете? — напрямик спросил я у сослуживцев накануне своего пятидесятилетия.

— Думаем купить радиоприемник, — ответили они, засмущавшись.

— Только, чтобы на ножках, — предупредил я, — а то мне не на что будет его поставить.

— Видите ли, Николай Николаевич, — промямлила сидящая справа от меня экономист Валя, — на приемник с ножками у нас не хватает денег.

— Вот так-так! Приемник презентовать решились, а на ерунде, на ножках, экономите? — пристыдил я своих коллег. — Какую же сумму вы собрали, если у вас на ножки не хватает?

— Семьдесят рублей, — симпатично покраснев, ответила экономист Катя, сидящая слева от меня.

— Семьдесят?! — удивленно переспросил я и обвел сослуживцев укоризненным взглядом. — Да вы издеваетесь надо мной! На эти гроши и без ножек-то ничего порядочного не купишь. По сколько же вы собирали, если не секрет?

— По семь рублей с носа, — как бы извиняясь, ответила Валя.

— Не понимаю, — сказал я грустно. — Стоило ли мне в таком случае достигать юбилейного возраста? Отчего же по семь, если Петухову полгода назад по червонцу отвалили?

— С Петуховым была совсем другая статья, — разъяснил мне плановик Цыпкин. — Петухов уходил на почетную старость, навсегда расставался с коллективом. Будете вы уходить на пенсию, тоже по червонцу скинемся.

— Может, ты и прав, — сказал я, подойдя к нему. — Хотя вряд ли при таком отношении я доживу до пенсии. Но меня волнует и другое: почему собрано семьдесят рублей, когда в нашем отделе работает двенадцать человек. Меня, естественно, вычтем. Итого одиннадцать человек. Одиннадцать на семь, как известно, семьдесят семь.

— Вы забыли, что Уварова в отпуске, — напомнил Цыпкин, глядя сквозь меня.

— Вовсе не забыл. И пусть в отпуске. Она, я думаю, специально приурочила отпуск к моему юбилею, чтобы зажить семь рублей. А вы потакаете ей. Внесите за нее пока из профсоюзных денег.

— Неудобно, Николай Николаевич, — сказал Цыпкин, изучая чернильное пятно на своем столе. — Все-таки человек с курорта вернется. А оттуда, сами понимаете, денег не привозят. Вы и так получите два подарка: один — от нашего отдела, второй — от дирекции.

— Что вы говорите! — оживился я. — И от дирекции тоже? Это меняет дело! Пусть Уварова отдаст мне семь рублей, когда сможет. Конечно, сразу после отпуска ей будет тяжело. Я понимаю. У самого дети есть.

— Все-таки что вам подарить? — спросил Цыпкин, переведя взгляд с пятна на меня. — Хотите кресло-кровать?

— Напекаешь на мои ссоры с женой? — насторожился я. — Так это не твоего ума дело...

— Вчера в универмаге чайные сервизы появились на двенадцать персон, — непонятно к кому обращаясь, сказала инженер Евгения Васильевна. — Сороч два рубля пятьдесят копеек стоят. Я даже удивилась, почему так дешево.

— На двенадцать персон, говорите? — заинтересовался я. — Не плохо. Шесть персон можно будет продать... А скажите, Евгения Васильевна, чашечки с цветочками?

— С цветочками, — с готовностью ответила Евгения Васильевна.

— Совсем неплохо. А какие цветы: садовые или полевые? Хотелось бы полевых — жена их очень любит.

— Нет, садовые, — огорчилась Евгения Васильевна.

— Это хуже, но терпимо, — сказал я. — А чайник вместительный?

— Да, вполне, — заверила меня Евгения Васильевна. — И розетки есть для варенья. Тоже очень удобные, вместительные.

— Что ж в этом удобного? — снисходительно засмеялся я. — Какой гость попадется. А то и варенья не напасешься. Впрочем, так и быть: я даю свое согласие на сервиз. Но остается еще двадцать семь с полтиной.

— Можно купить настенные часы, — снова вмешался Цыпкин. — На веревочке.

— На какой еще веревочке? — спросил я недоверчиво.

— На обыкновенной веревочке. Висят и тикают.

— Ну и подковыристый же ты парень, Цыпкин! — возмутился я. — Мне не нужно, чтобы они тикали. Я буду спать, а они будут тикать!

— Тогда соглашайтесь на торшер — он не тикает, — сказал Цыпкин.

— А ты не диктуй. Я сам знаю, что себе подарить, — сказал я, положив на стол счеты. — Значит, так: купите в «Галантерее» четыре пары безразмерных носков по рубль восемьдесят — мои совсем порвались, пару капроновых чулок для жены, желательно немецкие без шва, десять рублей выдадите на руки — мне как раз не хватает на отрез для костюма. Итого — двадцать рублей двадцать копеек.

— Осталось на бутылку кубинского рома и пачку сигарет, — встал Цыпкин.

— Будешь глотать ром в свой юбилей, — отрезал я. — А у меня сегодня не решена проблема с овощами. Девочки, кто пойдет за подарками?

— Мы, — сказали Валя и Катя.

— Зайдите на рынок и купите на оставшиеся деньги все, что написала жена на этой бумажке. Лук репчатый, картошку, морковку и так далее.

В качестве подарка.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ПРЕНИЯХ

— Маловато активности, Сенин,— сказал директор, когда я присел на краешек стула.

— Активности в чем? На работу я выхожу регулярно. За два года ни разу не болел. Выдвинут страхделегатом. Покупаю больным фрукты. Оформляю стенгазету.

— Я не о том, Сенин,— поморщился директор.— Я о собраниях.

— Пока ни одного не пропустил.

— Знзю. А что толку? Вопрос в том, как ты ведешь себя на собраниях.

— Не сплю. Внимательно слежу за ходом выступлений. Наматываю на ус все ценное.

— Третий год мотаешь. Не пора ли разматывать?

И, заметив мое удивление, директор пояснил:

— Пора самому высказывать ценные мысли. Надеюсь, они у тебя имеются?

— Имеются, конечно, имеются,— поспешил я заверить директора.— Иногда так навалются — головы не хватает. Приходится на листочек записывать.

— Вот и поделился бы ими. На завтрашнем собрании.

— Не стоит. Уж не посетуйте. И не поймите меня превратно.

— Почему! Или мысли непристойные?

— Как можно! — засмутился я.

— Значит, огнеопасные? Критического направления?

— Ни в коем случае! Я не поджигатель. И не склочник.

— Поэтому и прошу тебя выступить. В прениях по моему докладу.

— Только не это! — взмолился я.— Лучше прикажите вымыть полы в коридоре. Будет больше пользы. И не так смешно.

— Все мы не Демосфены,— улыбнулся директор.— Однако выступаем.

— А я даже не Квочкин,— сокрушенно сказал я.— Квочкин иногда хоть реплики подбрасывает. Я и на реплики не гожусь. Мысли то возникают регулярно. Ничего не скажешь. А вот язык не подвешен. Пока подберешь нужные слова, мысль ускользает. Начинаешь припоминать мысль — забываешь слова. Прямо беда.

— Сейчас же ты находишь слова. И мысль не ускользает.

— Сам удивляюсь,— поразился я.— Мысль так и течет, слова так и напрашиваются. Должно быть, оттого, что наш разговор протекает

в обстановке доброжелательности и взаимопонимания. И я получаю от него истинное наслаждение.

— Как ты сказал? — зарумянился директор.

— Я говорю: наслаждаюсь в ходе беседы с вами.

— Ну и чудесно. Завтра будет то же самое. Я прочитаю доклад. Ты выскажешь отношение к нему. Вот и побеседуем.

— Не будет той атмосферы. Сорок человек уставятся на меня, как на подсудимого. Я от страха и слова не выдавлю.

— Выпей для храбрости. Я разрешаю.

— Я не пью. Вы знаете.

— Ничего. Один раз можно. Для повышения активности. Во имя общественных интересов.

На собрание я пришел с «маленькой» в кармане.

Директор говорил около часа. Чувствовалось, доклад вот-вот закончится.

Я запаниковал: близились прения. Но директор выручил меня.

— Степан Ильич, — обратился он ко мне, протягивая стакан, — не в службу, а в дружбу — нацеди в автомате газировочки.

Я взял из его рук стакан, едва заметно подмигнул ему: дескать, намек понят — и вышел в коридор. Первым делом я выпил в два приема «маленькую». Стакан тщательно помыл и подставил под сильную, упругую струю автомата. Вода забурилась, заиграла пузырьками. Я тоже забурился, заиграл. Слово невидимые пузырьки засуетились во мне, всколыхнули и вынесли на поверхность души какие-то неизведанные порывы. Боясь растерять их, я устремился в зал заседаний. Вода расплескалась, и директору достался пустой стакан.

Развернулись прения. Говорили о содержательности доклада. Превозносили докладчика.

— Дайте мне слово! — заголосил я истошно и требовательно, будто меня всю жизнь затирали и лишали слова.

— Дайте, дайте Сенину слово, — заулыбался директор. — А то он передумает.

Мне предоставили слово.

— Слушай же внимательно, самодовольный очкарик, — четко произнес я, обращаясь к директору. — Слушай и наматывай на ус все ценное.

Зал оцепенел.

— Во-первых, ты бездарь и развалил всю работу, — продолжал я. — Во-вторых, окружил себя подхалимами. В-третьих, заглядываешься на молоденьких сотрудниц...

Я говорил и говорил. На двадцатом пункте оцепенение с собравшихся спало. Раздалась возгласы в защиту директора. У директора слетели очки, но он судорожным движением поймал их на уровне галстука.

— Сенин пьян,— устало сказал он.— Разве вы не видите, что Сенин пьян?

— Сенин трезв,— стукнул я кулаком по столу.— Впервые за два года трезв.

— Хорошенькое дело! — вставил директор.— Оказывается, он два года изо дня в день является на работу пьяным. И мы два года терпим этого беспробудного пьянчужку...

Меня уволили. За пьянство.

ЦЫПОЧКА

В два часа ночи жилец многонаселенной квартиры, аккуратный плательщик за коммунальные услуги, Нестор Иванович Бордюров вылез из постели. Не зажигая света, он проделал хорошо известный ему путь. Почти у цели Бордюров ударился о какой-то мягкий предмет и стал на ощупь огибать его. Предмет был массивным и краями упирался в стены. Нестор Иванович попытался перелезть через препятствие, но безуспешно: оно оказалось высоким и гладким.

Обескураженный Бордюров включил свет, взглянул на то, что нарушило распорядок его жизни, и закричал скорее от ужаса, нежели от полученного удовольствия. На крик начали сбегаться соседи. Их лица, как и принято в необычных ситуациях, вытягивались от удивления.

В коридоре, уткнувшись мордой в персональный электросчетчик жильца Негина, стояла лошадь.

Сначала у всех создалось впечатление, будто она снимает показания со счетчика. Но лошадь принялась к электропроводке и принялась жевать ее.

— Брысь, брысь, брысь! — отчаянно закричал на нее владелец счетчика и бросился с веником в руках защищать свое недвижимое имущество.

Лошадь покосилась на Негина и исчезла в его комнате.

— Пусть каждый ущипнет близстоящего соседа,— сказал Бордюров.— Не снится ли нам кошмарный сон?

И он ущипнул домашнюю хозяйку Милу, находящуюся с ним в натянутых отношениях.

Мила, не смотря на поздний час, нашла в себе силы охарактеризовать Бордюрова с некоторых сторон.

— Нет, это не кошмарный сон,— внимательно выслушав ее, сказал Бордюров.— Это самая натуральная явь. Лошадь живая. И принадлежит, вероятнее всего, Негиним. Недаром она паслась у негинской электропроводки и удалилась в их комнату.

— Зачем нам в условиях коммунальной квартиры лошадь? — зачереничал Негин.

— А мало ли зачем? — сказал Бордюров. — Чтобы ездить по местам общего пользования, транспортировать блюда из кухни в комнату, совершать лесные прогулки. Небось, и седло припасли?

Бордюров заглянул в негинскую комнату в надежде обнаружить там седло. Соседи последовали его примеру. Седла нигде не было. Лошадь доедала фикус и постукивала правым копытом по серванту.

— Кыш, проклятая! — заголосил Негин. — Кыш, говорю тебе!

Лошадь вздрогнула и хвостом смахнула со стола хрустальную вазу.

— Все видели? — со слезами в голосе спросил Негин. — Если лошадь моя, отчего же она допускает нелогичные действия: жрет мой фикус, разбивает мой хрусталь, корежит мой сервант?

— Не стой же как истукан! — возмутилась поведением мужа Алевтина Юрьевна Негина. — Посторонняя лошадь лягает твою обстановку, а ты спокойно рассуждаешь. Гони ее в шею!

— Не спеши, Алевтина, — сказал Негин, — дай лошади сожрать второй фикус. Тогда соседи убедятся, какая она моя. Мне общественное мнение дороже фикуса.

— В самом деле, чье животное? — спросила домашняя хозяйка Мила. — Не могло же оно само проникнуть в квартиру.

— Не могло, — подтвердил Бордюров. — Кто-то ему оказал содействие. И сделано это, по-моему, с коварным умыслом.

— А именно? — срывающимся от волнения голосом полюбопытствовала домашняя хозяйка Мила.

— Охотно поясню, — сказал Бордюров. — Нас захотели обокрасть. Лошадь служит отвлекающим обстоятельством. Возможно, пока мы глазеем на нее, наши комнаты очищают от нажитых честным трудом ценностей.

Все жильцы, кроме Негиных, бросились в комнаты. Минут через десять они снова собрались в коридоре. Ценности лежали и стояли на своих местах. Только домашняя хозяйка Мила пожаловалась на пропажу бигуди. Но их сразу обнаружили у нее на голове.

— Не исключена и противоположная гипотеза, — подумав, сказал Бордюров. — Нас хотя не обокрасть, а уличить в воровстве. Ночью в квартире обнаружена неизвестная лошадь. Ясное дело, мы обязаны сообщить в милицию. О чем спросят нас милиционеры? Они в первую очередь заинтересуются, где мы взяли лошадь.

— Скажем на ярмарке в Лужниках, — в замешательстве понес околесицу Негин.

— Нас вы не впутывайте, — отозвалась домашняя хозяйка Мила. — Сами отвечайте за свою кобылу.

— Она такая же моя, как ваша, — обиделся Негин.

Лошадь высунула голову из негинской двери, словно прислушиваясь к разговору.

— Цып-цып-цып,— с притворной нежностью позвал ее Бордюров.

Лошадь откликнулась на зов Бордюрова и направилась в его комнату. Бордюров схватил ее за хвост и потянул назад.

— Тпру, тпру! — закричал он.

Это не помогло. Лошадь прошла в глубь комнаты и остановилась у раскладушки, на которой спал Ленька, племянник Бордюрова. Она осторожно лизнула его в щеку. Ленька открыл глаза и при виде лошади ничуть не удивился.

— Цыпочка, не мешай мне спать,— сказал он и потрепал ее гриву.

— Вы знакомы? — выйдя из оцепенения, спросил Бордюров.

— Конечно,— сказал Ленька.— Цыпочка из конноспортивной школы. Я занимаюсь там верховой ездой.

— Злоупотребление служебным транспортом,— констатировала домашняя хозяйка Мила.

— Не злоупотребление,— возразил Ленька.— Мы с Цыпочкой задержались на прогулке. Вернулись, а на конюшне замок. Жалко было оставлять ее одну на улице.

— Если уж ты приводишь домой лошадь,— вскипел издерганный ночным происшествием Негин,— изволь не ставить ее у чужого счетчика!

— Хорошо,— сквозь сон пробормотал Ленька.— В следующий раз учту.

ФРАГМЕНТЫ ЖИЗНИ

Застрывать в лифте мне и раньше приходилось. Но до сих пор это случалось в старом доме, где шахта лифта огорожена решеткой. Коротать время в таком лифте — одно удовольствие. Застрешься, бывало, а через решетку тебе кланяются соседи, спускающиеся по лестнице. Получается что-то вроде парада соседей, который ты, по стечению обстоятельств, принимаешь.

Теперь я живу в новой двенадцатизэтажной башне. И уже на пятый день проживания отбыл первое заключение в темной кабине лифта. Сначала я подавал признаки жизни, нажимал на кнопки, вызывал к подъездной общестественности с помощью выкриков: «Человек в лифте! На помощь!» Но старался я напрасно. Двери шахты были наглухо заделаны неизвестным мне облицовочным материалом, и мои панические выкрики остались без ответа.

Прислонился я к стенке, пригорюнился. Попал, думаю, из белого дня в мрак, в ночь. Даже руки своей невозможно разглядеть. Не говоря уже о стрелках на часах. На стрелки в этой темнотище и намека нету. А главное, скука жуткая. Поскольку некуда приложить силы, нечем разнообразить свое пребывание. И сходить некуда. Можно, конечно, подремать. Но не стоя же. Говорят, только лошади спят стоя. Наверное, правда. Во всяком случае, мне еще не попадалось на глаза изображение лошади, спящей на спине. Да и неудобно ей на спине лежать: куда она в таком случае ноги денет? Не сложит же их на животе? Пожалуй, мне здесь тоже во всю длину не улежись. Ну и лифты стали выпускать — не приляжешь толком.

А чем все-таки заняться? А то и свихнуться недолго. Стал я от нечего делать вспоминать кое-какие фрагменты своей жизни. Жену Дусю вспомнил. Повезло мне с женой. Не сказать, чтоб красавица, но в общем и целом все на месте. И грибки умеет солить и пирожки с капустой печь. А как радуется моему возвращению со службы! Шляпу снимает, тапочки под кроватью ищет. И ласковые слова при этом высказывает. А я не всегда приветлив с ней: вчера ее кочерыжкой назвал. Подлец я! Чувствую, от стыда щеки так и горят. Как только выберусь отсюда, думаю, сразу изменю свое отношение к Дусе. Куплю ей модную «водолазку» и любимые пирожные. Детшкам — конфеты.

Да, детишки-ребятишки... Давно я им ничего не покупал. Себе так в каждую полочку «белую головку» покупаю. А им — фигу. Один раз только двести граммов мятных карамелек принес. И все. Редкий подлец! Даже противно с собой в одном лифте находиться. Вышел бы, если можно. Как только меня земля носит! Что подумает моя мама?

Да, мама. Родила она меня, сопливица, холила, пестовала. Одним словом — вырастила. А чем я отблагодарил мать за услуги? Ничем. И адрес-то ее не помню — так давно не писал. Бедная моя, покинутая старушка, жива ли ты? Ах, подлец! Дать бы мне по шее за такие дела! Прямо от стыда некуда деваться. Из глаз капает что-то. Хорошо еще — темно здесь.

Но тут в лифте загорелся свет. Во мне тоже что-то зажглось, запылало. Пораженный, стоял я в лифте, в этом маленьком клочке мирового пространства, огороженном неизвестным мне облицовочным материалом. И, почувствовав в себе просветление, готовность к подвигу, немедленно нажал кнопку первого этажа. Я вышел из лифта и, не медля ни секунды, побежал творить добро.

Беда в том, что нам редко удастся оставаться наедине с собой. А если и удастся, то все равно нас отвлекает какая-нибудь ерунда. Либо вид из окна, либо интерьер комнаты, либо другое зрительное ощущение...

Лифт описанной конструкции как будто специально создан для ведения откровенных бесед наедине с собой. Я каждому совету застрять в таком лифте хоть разочек.

КОММЕНТАТОР

Тетя Клава любит смотреть телевизор. Но смотрит она его, когда в комнате кто-нибудь есть. А иначе ей неинтересно: не к кому обращаться с критическими замечаниями по ходу передач.

Передают концерт. Певица исполняет эстрадную песню. Тетя Клава смотрит на нее з упор и говорит:

— Ну и мордальон — откуда только она такая свалилась. Вместо носа — морковка, и глаза в разные стороны смотрят. А губ вообще нет. На месте губ — яма.

— Зря вы это, тетя, — лениво замечаю я. — Губы у нее имеются, а яма оттого, что она открыла рот для пения.

— Ладно, посмотрим на нее, когда она сомкнет рот, — не унимается тетя Клава.

На какое-то время она умолкает, дожидаясь, когда певица закроет рот.

— Ага! Что я тебе говорила! — победно восклицает она. — Взгляни, есть у нее губы или нету?

Я отрываю голову от книги.

— Все-таки, тетя, есть. Правда, небольшие, но вполне достаточных размеров.

— Может, ты ее и замуж взял бы, если так защищаешь?

— Ах, тетя! Певицы выступают не для того, чтобы их замуж брали. Они несут свое искусство в массы.

— Пусть несут, а не пугают массы.

— Не стоять же ей, тетя, спиной к зрителям.

— Пусть за кулису спрячется. А на сцену можно фикус какой-нибудь поставить. И то красивее будет.

Диктор объявляет балетный номер. Исполняется па-де-де. Тетя Клава подозрительно всматривается в экран.

— Жалко мне эту балерину,— говорит она и качает головой.— Да брось ты книжку-то. Взгляни.

— Балерина как раз недурна собой. Я бы на ней, не раздумывая, женился.

— Дело не в ней, а в этом, который рядом крутится.

— В танцоре?

— Какой он танцор, когда он самый настоящий скелет. Это музыка заглушает треск его костей. Того и гляди рассыплется.

— Вам-то, тетя, какое дело? Пусть рассыплется,—говорю я, снова берясь за книгу.— Сидите себе и смотрите.

— Я сижу. Только мне обидно, что у нас улицы кишмя кишат красавцами, а по телевидению скелеты показывают. Вот на днях захожу в молочную, а там телеоператоры Зинку снимают. Ну, которая маслом торгует. Нашли тепезвезду. Тощая, как кол. И масло не помогает. Чего ради, скажи, ее на экран волокут?

— Наверное, отличница торговли,—говорю я, не отрываясь от книги.— И потом у нее мордашка симпатичная.

— У Зинки-то? — ахает тетя Клава.— Должно быть, ты перепутал ее с Валентиной. Через десять минут сам убедишься. Операторы обещали показать пленку в сегодняшних новостях.

Через десять минут тетя комментирует кадры, на которых я узнаю нашу молочную.

— Вобла за прилавком — это и есть Зинка. Ну как, красотуля? Годится в жены?

— Не годится,— отвечаю я, чтобы отвязаться от тетки.

— А это что за бочка? Бог ты мой, и заведующая туда же! То же интервью дает. Посмотри: от нее на экране только две третьих уместается. Остальную треть разместить не смогли.

— Безобразие, кошмар,—поддакиваю я, не глядя на экран.— Я бы не взял ее в жены.

— Глянь-ка, кассирша выползла. С ее-то бестолковой прической на миллионного зрителя выходить.

— Хотя бы под машинку постриглась! — возмущаюсь я.

— Здравсьте! — продолжает свой комментарий тетя.— А это еще

что за образина? Бухгалтерша, что ли? Обрати внимание на ее идиотскую улыбку.

— Дура какая-то, — покорно соглашаюсь я, не поднимая головы.

— И под глазами ужасно подозрительные мешки.

— Портвейн, наверное, глушит, — говорю я, переворачивая страницу.

— Закрой хоть на минутку книжку, — просит тетя Клава. — Полюбуйся на это пугало.

Я смотрю на экран и вскрикиваю от неожиданности.

— Ага! Проняло наконец, — радуется тетя. — А что я говорила? Пугало и есть. Скажи, ты взял бы ее в жены?

— Ах, тетя! Как же я могу взять вас в жены? Разве вы не узнаете себя в покупательнице с плавленым сырком «Дружба» в руках?

...Тетя Клава — сердечница: валидол всегда при ней.

СЭКОНОМИЛИ...

— Коллеги! — обратился я к собравшимся. — Настало время что-нибудь сэкономить и на производстве мыльных пузырей. Оглянитесь вокруг. Соседний завод перешел на изготовление телефонных аппаратов без трубок и за месяц сэкономил около тонны пластмассы. А другие наши соседи? Наладили выпуск часов с одной стрелкой, а из освободившегося металла делают отличные канцелярские кнопки. Я уже не говорю о полиграфкомбинате, где давно печатают книги в кратком изложении. Экономия бумаги на одном только романе Льва Толстого «Анна Каренина» позволила увеличить тираж брошюры «Муха — наш враг» вдвое. Какие будут соображения?

— К несчастью, мыльный пузырь не дает нам внутренних резервов, — сказал начальник отдела технического контроля. — К нему ни с какой стороны не подойдешь. Ввиду полного отсутствия деталей, годных для экономии.

— Детальями пузырь, и правда, не богат, — сказал я. — Зато у него довольно обширная поверхность. Не попробовать ли хотя бы частично ее урезать?

— Я категорически против, — вмешался начальник отдела сбыта. — Если мы вонзим в пузырь нож, он лопнет, не дойдя до потребителя.

— Рано или поздно, — сказал я, — он все равно лопнет.

— Важно, чтобы он лопнул не в наших руках, а в руках потребителя, — возразил начальник отдела сбыта. — Поэтому лучше поздно, чем рано.

— Резонно. До нашей продукции раньше времени лучше не дотрагиваться. Это может плохо кончиться. Но, — продолжал я, — у нас есть резерв экономии: углекислый газ, которым наполняются пузыри. Как мы надуваем? Мы надуваем из расчета один выдох на один пузырь. Пора надувать одним выдохом три пузыря. Это даст экономиию как выдыхаемого газа, так и вдыхаемого воздуха.

— Воздух поступает через форточки в неограниченном количестве и практически ничего не стоит. Углекислый газ мы также выдыхаем бесплатно, — высказался начальник цеха по доставке воздуха. — Так что никакой экономии мы здесь не получим.

— Будем экономить на мыле, — предложил я. — Оно поступает не через форточку. Оно стоит денег. А мы, пуская пузыри, порой часть мыла заглатываем. Никто не знает, сколько дорогостоящего сырья перекочевало в наши желудки.

Некоторые, стыдно сказать, — распалился я, — принялись грызть трубочки для пускания пузырей. Кстати, от трубочек следует отказаться. В детяхлах нашего предприятия младшая группа с успехом

пускает пузыри без специальных приспособлений. И мылом не пользуется. Надо бы перенять опыт.

— И вызвать на соревнование,— развил мою мысль один из лучших пузырепускателей.

— Преждевременно,— подумав, сказал я.— У младенцев производство рентабельнее. Они не требуют ни сырья, ни оборудования, ни прогрессивок. Пузырепускание ведется на общественных началах.

— Сравнили! — оскорбился начальник отдела сбыта.— Наши пузыри элегантнее, приятны на вид.

— Вид у них прекрасный,— кивнул я.— Как-никак пузырепускание ведется на базе мыла «Кармен».

— А не перевести ли наше производство на базу хозяйственного мыла? — подал мысль главный бухгалтер.— Я думаю, мы сумеем надуть симпатичный пузырь и без туалетного мыла.

— Чего-чего,— сказал я с гордостью,— а надуть мы сумеем. Не новички.

МЕЖДУ СТРОК

— Ну те-с, чем нас сегодня радуют газеты? — спросил меня сосед по лавочке.

— Есть информация о рождении в нашем зоопарке слона,— сказал я, аккуратно разглаживая газету по линии сгиба.

— А вы и развесили уши, словно новорожденный слоненок,— усмехнулся он.— Мало ли чего напишут.

— Какие тут могут быть сомнения? — удивился я.— Раз сообщают, значит, родился.

— Вовсе не значит, наивный вы молодой человек,— сказал он, снисходительно дотронувшись до моей руки.— Умейте читать между строк.

Я еще раз пробежал глазами заметку и поинтересовался:

— У вас есть иные сведения? Вы разговаривали с директором зоопарка, и он опроверг сообщение газеты?

— В зоопарке я был лет десять назад,— признался он.— Не в зоопарке дело. Умейте мыслить. Анализировать. Сравнить. Подытоживать. Умейте сомневаться.

— Хорошо, займемся анализом,— согласился я.— Положим, у

слонихи не было беременности и, следовательно, слоненка не существует.

— Вот именно, — обрадовался он. — Слоненка не существует.

— Но возникает законный вопрос, — продолжал я. — Если слоненка нет, зачем писать о его рождении? Да еще с указанием точного веса и длины хобота. Не родился и не надо. Вполне можно обойтись без него.

— Вы так думаете? А знаете, там, у них, — он неопределенно помахал рукой в воздухе, — слоны то и дело появляются на свет.

— Пусть себе появляются. У нас тоже рождаются хорошие, упитанные слоны. Вот и еще один родился. Я лично рад за наших слоноведов.

— Слоноведы здесь ни при чем. Там, у них, — он опять неопределенно помахал рукой в воздухе, — слоны испокон веков осеменяются передовым искусственным методом. У нас явное отставание. Мы еще не можем родить слона, когда этого требует момент. У нас рождаемость слонов повышается печатью. Она же регулирует их вес и длину хоботов.

— Да-а-а! Здорово вы читаете между строк! — восхитился я и полез в карман. — Не могли бы вы проанализировать и разъяснить подтекст этого документа?

Он взял из моих рук удостоверение и прочитал:

«Васильев

Александр Тимофеевич
работает в зоопарке
ветеринарным врачом».

— Будем знакомы, — сказал я. — Слоновий акушер. Принимал роды у слонихи Эльвиры. Вес и длина хобота ее первенца Теодора полностью соответствуют газетным цифрам. Скажу больше: там, у них, — я неопределенно помахал рукой в воздухе, — такие крупные экземпляры до сих пор на свет не появлялись.

Он недоверчиво рассматривал мое удостоверение.

— Документ подлинный, — успокоил я его. — Печать и подпись на месте. Если внимательно помыслить, посомневаться, подытожить, можно кое-что обнаружить и между строчками.

— Между строчками пусто, — сказал он, возвращая документ.

— А это с какой стороны смотреть, — возразил я. — В данном случае текст нужно читать вверх ногами. Вот так.

Я перевернул удостоверение и сделал многозначительное лицо.

— Что там такое? — быстро спросил он.

— Здесь между строк написано, будто вы не существуете.

— Да ну?! — удивился он. — Выходит, с вами разговаривал не я, а кто-то другой?

— Очень может быть, — подтвердил я.

— Ну хорошо, — сказал он, — предположим, меня нет...

- Вот именно,— вставил я.— Предположим, вас нет.
— Но возникает законный вопрос,— продолжал он.— Если меня нет, зачем я буду утверждать, что я есть? Нет, и не надо. Вполне можно обойтись и без меня. Подумаешь, какая невидаль!
— Не ахти какая,— согласился я.
-

СПАСИТЕЛЬНЫЕ МАКАРОНЫ

До наступления Нового года оставалось двадцать минут. Сослуживцы, собравшиеся у меня, сверяли часы, нетерпеливо трогали рюмки, поедали глазами закуску. Аркадий Викентьевич, мое непосредственное начальство, томился у окна около стынувших на подоконнике коньяков.

— Коллеги, скрасим ожидание радостного события игрой в жмурки,— предложил я.— Чур, мне искать.

Я повязал на глаза полотенце и вытянул перед собой руки. Гости бросились врассыпную, притаились. Я развернулся и двинулся на чье-то тяжелое дыхание. Преследуемый неуклюже затопал, скрипнула дверь шкафа, щелкнул замок, дыхание стало глуше. Я сорвал повязку, сердце мое оборвалось. Аркадия Викентьевича нигде не было. «Неужели он залез в платяной шкаф?» — ужаснулся я. За Аркадия Викентьевича перетрухнул, за его организм, не приспособленный к длительному воздействию нафталина.

— Аркадий Викентьевич! — постучал я в дверцу. — Это Бурундуков.

— Войдите,— сострил шеф.

— С удовольствием бы,— ответил я,— да ключ от замка утерян. В этом году перед отпуском врезал замок. На случай кражи. А ключ тютю.

— Шутка на уровне начальной школы,— недовольно отозвался Аркадий Викентьевич.— Открывай, Бурундуков. Пора уже выпить за уходящий год.

— Я серьезно, Аркадий Викентьевич. Без ключа не открыть.

— Открывай чем хочешь: топором, напильником или отбойным молотком,— сдержанно проговорил шеф.— Инструмент не имеет принципиального значения.

— Полировка же,— взмолился я.— Двести рублей. Три месяца стоял в очереди.

— Сбегай за слесарем,— донеслось из шкафа.— Скоро пробуют куранты.

— Не успею, Аркадий Викентьевич. До двенадцати осталось пять минут.

— Что же ты предлагаешь, Бурундуков? — повысил голос шеф.— Встречать Новый год в одиночестве? Тут и чокнуться-то не с кем. А главное — нечем. Сколько минут осталось?

— Три, Аркадий Викентьевич.

— Приказываю разработать конструктивные предложения по данной ситуации. Через минуту доложите.

Я бросился на кухню, взял макаронину, опустил в бутылку с коньяком и другим концом просунул в замочную скважину.

— Аркадий Викентьевич, возьмите макаронину в рот,— сказал я, радуясь своей выдумке.

Макаронина зашевелилась, хрустнула.

— В чем дело? — послышалось из шкафа.— Почему макароны?

— Это своего рода шланг,— объяснил я.— Для засасывания коньяка.

Пробило двенадцать. Гости подняли бокалы и принялись чокаться с бутылкой, которую я держал у шкафа. Я тоже чокнулся с ней.

— С Новым годом вас, Аркадий Викентьевич,— поздравил я шефа от имени собравшихся.— С новым счастьем!

Уровень коньяка в бутылке заметно понизился. Макаронина исчезла в замочной скважине.

— Хорошенькое счастье — закусывать коньяк сырыми макаронами,— пробурчал шеф.

Я снова побежал на кухню, вскипятил воду и засыпал макароны. Минут через двадцать Аркадий Викентьевич сосал через них коньяк и в случае необходимости закусывал ими. Каждую новую макаронину я смазывал маслом и солил.

Полкило макарон растаяло на глазах. Коньяку осталось на пару рюмочек. Засасывание прекратилось.

— Больше не хотите? — спросил я своего руководителя.

Шкаф безмолвствовал.

— Аркадий Викентьевич, вы спите?

— Нет, я думаю. Полгода назад на моем календаре кто-то написал: «Старая вешалка». Не ты ли совершил эту пакость? Тогда обозвал «вешалкой», а сегодня с помощью жмурок поместил в шкаф. Последовательно действуешь...

— Вы сами, Аркадий Викентьевич, вошли в него, сами захлопнули себя.

— Ты кому западню устроил? Я тебе не мамонт, а начальник.

— Я и не говорю, Аркадий Викентьевич, что вы мамонт. Мне это даже невыгодно: мамонт бы весь шкаф развалил.

— Вынуждаешь отмечать Новый год в мебели, закусывать конь-

як макаронами? Травишь, как паршивую моль. Полированный кусок дерева тебе дороже ответственного работника!

— Так двести рублей, Аркадий Викентьевич. Если взломать, пропадет вещь.

— Больше потеряешь. Лишу прогрессивки на весь наступивший год. За подрыв моего авторитета.

— Полированный ведь шкаф-то, Аркадий Викентьевич,— просто-нак я и пошел за топором.

ЭСКАЛАЦИЯ ЛЮБВИ

Иному молодому человеку влюбиться — раз плюнуть. Одни делают это ежемесячно, другие — еженедельно.

Кое-кто набрасывает примерный план действий на короткий отрезок времени: «В субботу полюбить соседку по этажу К., предварительно разлюбив в пятницу З. На случай, если К. отпадет, оставить в резерве Н. (с короткой стрижкой)».

Или с большей перспективой: «Завтра обратить внимание на кассиршу мясного магазина; следующая неделя — водитель троллейбуса № 22 (попросить книжечку, случайно обронить в кабине сорок копеечных монет, собирать их до конечной остановки); в доме отдыха признаться в любви трем (предпочтительнее из разных городов). Итого — пять».

Не имеющие плана импровизируют, влюбляются по обстановке. Нравящиеся объектам любви они выказывают и на эскалаторе метро и в очереди за картошкой.

Кончается эскалатор — начинается эскалация любви. Кончается очередь — завязывается внеочередное знакомство.

Я тоже решил полюбить. Все равно кого — не в этом корень. Но долго не знал, с чего начать. Опытом большим не обладал: любил один раз в жизни, да и то лет пять назад.

Стихи писал: «Ты стояла у окна, семечки лузгала, и детела кожура на мое забрало». Рыцарем себя мнил. Оттого и припел забрало.

А вышла она за другого. Он, как выяснилось, помогал ей лузгать семечки.

Любовь поросла кактусами. Теперь у меня все подоконники заняты кактусами. Уколюсь и провожу параллель с женщинами — такие же они каверзные. Кактусными иголками влезают в душу. Незаметно и больно.

И вдруг потянуло еще уколоться. Обидно сделалось — такая внешность пропадает! И от других отставать не хотелось. Другие то и дело влюбляются. А я? Хной, что ли, покрашен?

Сосредоточился на Гале Зайцевой, молодом, привлекательном специалисте. Попробовал влюбиться в Галю с первого взгляда. Бросил на нее около полусотни первых взглядов, но любовь так и не зародилась.

На седьмой сотне я уже знал: Галю наизусть. Но продолжал изучать ее черты в фас, профиль и в комплексе. Пытаясь пробудить в себе чувство. Никакого эффекта! Хоть тресни! В груди метет пур-

га. И зевается. Словно передо мной не первая красавица отдела, а птеродактиль.

Испугался я за себя. Размышляю: «Где же он, душевный трепет? Куда запропастился? Не израсходовал ли я его пять лет назад целиком? Настолько, что в настоящее время нечем трепетать? Быть того не может!»

Заставил себя подойти к Зайцевой после работы.

— У меня загвоздка, Зайцева,— сказал я ей, пытаюсь побороть равнодушие в голосе.— Тут влюбился я в тебя. Чуть ли не до беспамятства. Аппетит пропал. Таю на глазах. Вчера четыре кило потерял. Не поможешь ли выбраться из тупика? Пока я не умер голодной смертью.

— Надо же, сюрприз-то какой! — не моргнув, восхитилась Галя и притянула мою голову для поцелуя. — И я тебя часа два назад любила. Пламенно и нежно.

— Как все удачно совпало! — сказал я, тайком зевая в ладонь. — Даже аппетит разыгрался. Пойдем поужинаем в кафе.

Столик удалось выклянчить отдельный. Руки наши сплелись. Галя проникновенно смотрела в мои глаза. Я смотрел в меню.

— Любишь? — спросила она.

— Обожаю! — фальшивым дискантом выкрикнул я.

И написал ей на салфетке: «Ты стояла у окна, штору поправляла, и увидел я тебя, приоткрыв забрало».

— Милый! — шепнула она.

Любовь не вырисовывалась. Забрало было опущено. Душа моя спала, и, когда мы выпили кофе, Галя почувствовала это.

— Не любишь? — спокойно спросила она.

— Я пытался,— сказал я.— Заставлял себя. Убеждал. Не получается.

— Не огорчайся,— успокоила она.— Я разлюбила тебя десять минут назад.

— Серьезно? — обрадовался я.— Как хорошо-то! Прямо гора с плеч!

Скучно любить, не любя...

ДУША НЕ ЗААСФАЛЬТИРОВАНА

Снится мне как-то дурацкий сон: будто копчусь я на пляже Крымского побережья. И некий дворник пытается отковырнуть меня или соскрести, словно снег, я уж точно не помню. Елозит, то есть, под спиной скребком, издавая им резкие звуки.

Конечно, я не стал терпеть этого издевательства, плюнул и проснулся. Смотрю: подо мной уже не побережье, а полотораспальный диван-кровать.

Очень, думаю, хорошо, что я снова дома, а то завтра на работу рано вставать. Кстати, который сейчас час? Глянул на часы — пяти нет! Два часа еще дрыхнуть. Только нырнул в постель, слышу, опять дворник скребком водит. Но уже не в сновидении, а наяву за окном. Снег с асфальта соскребывает и одновременно скребет по душе. А душа, как известно, не заасфальтирована.

Залез я в шлепанцы и, высунув голову в форточку, вежливо сказал:

— Доброе утро! Пять минут назад мне пришлось вернуться с юга. Если бы вы, гражданочка, не скреблись под окном, я бы еще загорал. Нельзя ли скрести потише?

— Пить нужно аккуратнее, — сказала дворник. — Тем более на курорте.

— Я не пил, — терпеливо объяснил я, — а загорал на пляже, где вы и пощекотали меня скребком.

— Я вас пощекотала? — возмутилась дворник.

— Ну да. Пощекотали мне спину. Пять минут назад.

В доме напротив стали открывать форточки.

— Где это было? Что вы мелете? — спросила дворник, заметно убавив громкость.

— Как где? — заорал я. — У меня в комнате, когда я спал!

— Тише! — зашипела дворник. — Не кричите, ради бога, на всю улицу.

— А вы не скоблите на весь квартал! — кричал я. — Люди спят, отдыхают на различных побережьях, гускай даже во сне. Не отвлекайте их, незачем щекотать им спины, бока и подмышки!

В доме напротив продолжали открываться форточки.

— Какие подмышки? — испуганно прошептала дворник. — Прекратите. Люди и впрямь что подумают.

— У меня действительно фигурировали не подмышки! — крик-

нул я.— У меня была спина! Но, возможно, у других граждан вы пощекотали именно подмышки!..

Побросав инструмент, дворник скрылась в подъезде.

А я пошел коптиться на пляже Крымского побережья — до-сыпать.

О ТОМ, О СЕМ

В себе я не замыкаюсь. При всяком удобном случае общаюсь с людьми, разговариваю с ними о том, о сем. Но что правда, то правда: не всех мой общительный характер устраивает.

Сегодня захожу в автобус, предъявляю проездной. Публика—ноль внимания. Кто газетку почитывает, кто в окошко глядит, кто сосредоточенно изучает затылок впереди сидящего. И беседы между собой не завязывают. Словно не о чем поговорить.

Сажусь рядом с пышной блондинкой. И сразу же вызываю ее на разговор.

— На улице, видите ли, дождь,—обращаюсь к ней.— В связи с чем я и намок. Заранее извиняюсь, если на вас ненароком упадет дождевая капелька. А вообще-то меня зовут Степаном Петровичем. Женат. Имею двух детей. Не считая трех от первого брака и одного брачного... А вы кто такая будете?

Блондинка широко раскрывает глаза и молчит.

— Ну же! — подбадриваю ее.— Расскажите свою краткую биографию. О родителях, о муже, о детях. Все это очень интересно.

Блондинка часто моргает и, насколько позволяет сиденье, отодвигается.

— Хорошо! Биографию оставим в покое,—предлагаю я.— Поговорим на другие темы. Скажем, о содержимом вашей авоськи. Так! Две банки зеленого горошка, пачка сдобного печенья, апельсины, бутылка вина. А в пакетике что? Конфеты? Или крупа?

Блондинка оказалась совсем необщительной. Молчит.

Я не выдерживаю, говорю ей:

— Ну и оставайтесь тут со своей гробовой задумчивостью. Найду собеседника попокладистее.

И подсаживаюсь к мужчине с тортом на коленях.

— Кондитерское изделие везете? — спрашиваю у него, кивая на коробку.

— Его,—отвечает мужчина, даже не взглянув на меня.

— Любите сладкое?

— Нет.

— Понимаю: забота о семье. Мои домашние больше соленое уважают. Да и у меня при одном воспоминании о кремовых розочках тошнота к горлу подступает. С тех пор как «Кубанскую» розочкой закусил. Ночью потянуло выпить, а закуски в холодильнике не было... Только цветочки от торта и благоухали. Накройте-ка торт плащом: у меня тошнота прогрессирует.

Мужчина засуетился и на ближайшей остановке вышел из автобуса. На сиденье опустилась молоденькая девушка.

— Меня зовут Степаном Петровичем,— немедленно представился я ей.— Извините за небритую физиономию. Бритва в ремонте.

— Я на вас и не смотрю,— ответила она.

— Напрасно. В побритом состоянии я ничего. Некоторые даже влюбляются.

— Вам мало некоторых?

— Вы меня превратно поняли. Я не добиваюсь интимного знакомства. Моя цель — приятно провести время в автобусе. Не больше.

— Я должна веселить вас?

— Не веселить, а поддерживать разговор. Хотя бы из приличия.

— Хорошо! Начинайте — попытаюсь поддержать.

— Не выйдет,— сказал я.— Уже не будет той непринужденности. Надо было сразу поддерживать.

В это время водитель объявил остановку. Я встал и подошел к его кабине.

— Спасибо, товарищ водитель, за информацию. Скажите, а бензина до конца рейса хватит?

— Еще десять рейсов хватит,— ответил он.

— Спасибо. А что потом?

— Суп с котом.

— Понимаю,— догадался я,— обеденный перерыв. Благодарю вас. Рад был познакомиться. Кстати, меня Степаном Петровичем зовут. А ваша фамилия, судя по табличке, Кондаков. Знал я одного Кондакова. По совместной работе на текстильной фабрике. Случайно не родственничек ваш?

Водитель отрицательно покачал головой и объявил в микрофон:

— Граждане пассажиры! Имеются в продаже проездные билеты. Но никто на его зов не откликнулся. Я возмущен.

— Граждане пассажиры! — крикнул я на весь салон.— Отвлечитесь наконец от своих мыслей. Если вам не нужен проездной, так и скажите. Не оставляйте водителя в недоумении. Подойдите к нему, поблагодарите за предложение, объясните причину отказа.

Но пассажиры молчали, продолжая думать каждый о своем. Любопытно, о чем они думали?

НА ЕДИНЕ С ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ

Светает. Над вечным покоем вырисовываются угрюмые прямоугольники надгробий, кресты приветливо раскрывают объятия. Крытая автомашина «Мебель» подруливает к памятнику с надписью: «Светозарова Елизавета Карловна. 1879—1947. Незабвенной тете от скорбящих племянников». Из машины вылезает бригада дюжих молодцов. У одного в руках ломик.

— Осторожнее, не поцарапайте. Не копеечная вещь. Полированная, — вертится около них кладбищенский сторож Василий Мотыльков.

Вскоре надгробие сгружают у дома Мотылькова. Надпись залеплена газетой.

— Тумбочку под телевизор приобрел, — разъясняет он выглядывающим из окон соседям. — Импортная. Не то малайская, не то костариканская. Под мрамор сделана. По последней моде.

— Где брали? — загораются соседи.

— В свободную продажу они не поступают, — выкручивается Василий. — Знакомый устроил.

Памятник обосновывается в квартире Мотылькова. Он ставит на него телевизор «Рекорд» и обмывает приобретение в кругу друзей...

Проходят месяцы. Квартира Мотылькова становится похожей на угол кладбища: Василий сидит на могильных камнях, ест на них бульоны, шинкует капусту, заполняет счета за пользование коммунальными услугами и прочее. Два особо устойчивых памятника подпирают пружинный матрац, образуя редкое по красоте ложе.

Но наступает знакомое Мотылькову пресыщение. До кладбища он работал на мясокомбинате и был уволен за расхищение колбасы. Вспоминает: когда от колбасы появлялась икота, он переходил на окороки, затем на другую продукцию.

Кладбище ассортиментом не радует. Сразу необразишь, на что перейти. Кругом одни могилы.

А не красть Мотыльков не может. Знаменитый лжеученый Чезаре Ломброзо, я думаю, причислил бы его к типу «преступного человека», который не в силах совладать с преступными наклонностями...

От скуки Мотыльков собирает на могилах букет цветов. Ассорти — садовые, полевые, бумажные. Идет на свадьбу к знакомому, дарит невесте. Невеста истерически взвизгивает, а жених выкидывает Мотылькова вместе с кладбищенским букетом за дверь.

Тогда Василий спирает венок. Преподносит его брату-студенту,

победителю институтских соревнований по боксу. Вместе с лентой. Брат ленту разворачивает и говорит: «Это мне лет через сорок понадобится. Отнеси, Василий, на место и прекрати безобразничать. Стыдно за тебя!»

Мотыльков между тем переключается на ограды.

Ограды разные: у одной сверху пики, у второй — шарики, у третьей — завитушки. Прямо глаза разбегаются. Таскает их Мотыльков, таскает и не может остановиться. Боится какой-нибудь вид ограды упустить. И, наконец, доставляет последнюю. Но она оказывается неразборной и в квартиру не лезет. На свое счастье, Василий сталкивается во дворе с приятелем, который режет автогенном трубы. Дает ему трешницу, тот делит ограду на четыре части и помогает захинуть в квартиру.

Намаявшийся Мотыльков по-пластунски пробирается меж оград, памятников и венков в гостиную. Садится с бутылкой водки напротив памятника Елизавете Карловне и включает телевизор. Идет репортаж с мясокомбината. На экране возникают гроздьи сосисок, лоснящиеся бока мясных туш.

Василий смотрит на экран и со злостью думает: «Эх вы, люди! Уволили за украденный круг колбасы! А я теперь покойничков обираю, и они молчат. Распродам уворованные ограды, памятники и венки — огребу кучу денег... Плевал я на ваш мясокомбинат!»

Мотыльков наливает полный стакан водки и выпивает за свой кладбищенский уголок.

БЕЗ МАТЕРИНСКОЙ ЛАСКИ

Сон — моя страсть. Люблю уютно свернуться калачиком под верблюжьим одеялом и окунуть голову в теплый омут пуховой подушки. Не люблю высовывать ноги из постели. Намыкаешься на прохладном полу, пока отыщешь тапочки.

Вчера будит меня маманя. Пять раз называет по имени. Три раза толкает в бок. Роняет стул.

Открываю один глаз. Маманя показывает будильник.

— Уберите, — говорю, — маманя, будильник. Пока я не искромсал его на мелкие запчасти. И не орите. Сам знаю, как меня зовут. И не толкайтесь. А то сделаю во сне инстинктивное движение — зашибу. И не швыряйте стулья. Они нынче хрупкие.

Сказал и нырнул под одеяло.

Маманя подходит к ногам. Щекочет ступни, желая пробудить меня. Но доставляет удовольствие.

— Пятки, маманя, не забудьте пощекотать,— окончательно раскиная, мурлычу я под одеялом.

Она сдергивает одеяло.

— Не ожидал от вас такого коварства! — кричу я, дрожа от холода.— Верните одеяло.

— Не верну. Опоздаешь на работу.

— Еще пять минут,— умоляю маманю.

— Хорошо, только не больше,— сдается она и возвращает одеяло.

Уютно сворачиваюсь калачиком.

Но маманя начеку. Одеяло снова в ее руках.

— Пять минут не прошло,— выдавливаю я сквозь зевоту.— Взгляните на часы.

— Десять прошло,— строго говорит маманя.— Вставай.

— Заладили: вставай да вставай. Я вам не ванька-встанька. Я, между прочим, ваш сын. Могли бы хоть по утрам проявлять материнскую ласку.

— Если сию минуту не вылезешь из постели, окачу холодной водой,— угрожает маманя.

При упоминании о холодной воде меня передергивает. Я спускаю ноги с кровати и разыскиваю тапочки. Передвигаюсь нетвердо, опершись на маманю. Слово после снятия гипса с коленного сустава.

Протираю мокрой ладонью глаза и плетусь на кухню. Пригреваюсь над сковородкой с яичницей.

Причитаю:

— Не хочу на работу. Там нет кровати. Одни столы. Восемь часов сидения. Как в общем вагоне.

— Опоздываешь на пять минут.

Рыдаю:

— Там клиенты! Одному пиджак перекошил, другому брюки. А третий приходит ежедневно в испорченном мною костюме и живым укором торчит в мастерской. Сегодня по его жалобе приедет комиссия...

Маманя смотрит на меня с упреком.

— Ну что вы на меня уставились? Принесите лучше фужер расолу.

Маманя уходит на кухню.

Я достаю из шифоньера свой идеально отутюженный костюм. Влезаю в него. Смотрюсь в зеркало.

«А костюмчик в самый раз. Элегантный. Могу же пошить вещь, если захочу!»

Из кухни выползает маманя.
Рассол освежает меня. Я окончательно просыпаюсь и спешу на
работу, где меня ждут взвинченные клиенты и дотошная комиссия.
Что-то будет?

В УМЕЛЫХ РУКАХ

Наконец-то мне поставили телефон. Я отвел ему уютное местечко на письменном столе, уплотнив календарь и статуэтку Дон Кихота. Телефон здорово вписался в общий ансамбль стола, придав ему официальный вид. Захотелось позвонить по какому-нибудь важному делу.

Я перебрал в голове все свои дела, но достойными телефонного разговора они мне не показались. Подумаешь: один приятель не вернул книгу, второй — грампластинку. Стоит ли снимать трубку из-за таких пустяков!

Всю жизнь завидую начальнику нашего управления. На его столе три телефона: серый, зеленый и черный. Я захожу к нему подписывать бумаги. Случается, он снимает сразу три трубки (одну прижимает к уху плечом, две других берет попеременно и ухитряется перелистывать мои бумаги), и тогда мне кажется, будто начальник управляет тройкой разномастных коней. С наслаждением прислушиваюсь я к его тихому, но не терпящему возражений голосу, к его лаконичной манере давать указания.

Телефон стоит и в кабинете, где сижу я. Но при моем профиле работы его помощь не требуется. Говорить приходится только с приятелями. А официальным тоном побеседовать не с кем.

И вот моя квартира присоединена к внешнему миру. Но миру это еще не известно, и он молчит. Остается снять трубку, прижать ее плечом к уху, подражая своему начальнику, и, перелистывая новенький телефонный справочник, набрать несколько номеров. И говорить в трубку тихим, но не терпящим возражений голосом:

— Алло! Кинотеатр «Зорька»? Говорит Никитин. В чем дело, товарищи? Долго вы будете рвать пленку во время демонстрации фильмов, нервируя рядового кинозрителя? Даю неделю на выясление причин. Проверю сам. Не прощаюсь...

Или более лаконично:

— Привет! Никитин! Что у вас с освещением на Прямоугольной улице? Второй год ни один фонарь не горит. Немедленно принять меры!..

Или более тонко, с иронией:

— Алло! Кто у телефона? Бочкин? Начальник СУ-13? Очень приятно, товарищ Бочкин. Поздравляю вас с юбилеем. Сегодня исполняется ровно год с того времени, как ваши подчиненные произвели раскопки на Прямоугольной улице. В честь славной даты жители ок-

ружающих домов взяли обязательство увеличить число ушибов и переломов. Еще раз поздравляю!..

А после взять сигарету, откинуться в кресле, как это делает мой начальник, и задумчиво пускать дым. И вдруг вспомнить что-то срочное, важное и резким движением набрать нужный номер.

Мне повезло: я серьезно простудился, взял больничный и целыми днями давал указания по телефону, воображая себя руководителем.

Мое внимание сосредоточилось на родной Прямоугольной улице, которая кишела всякими безобразиями. Я устранял их до тех пор, пока у меня не пропал голос.

Недели через две я выздоровел и пошел на работу. Прямоугольная улица неузнаваемо преобразилась. Все мои телефонные указания были тщательно выполнены.

Вечером я посетил кинотеатр «Зорька». Пленка больше не рвалась.

В умелых руках телефон — могучее средство преобразования жизни.

МЯСОРУБКА

— Лиза, любимая! — горячо шептал я в телефонную трубку. — Любимая!.. Представь, что в этом мире нас только двое. Ты и я. Ты стоишь на фоне занимающейся зари, протягиваешь ко мне руки и голосом неземной красоты спрашиваешь...

— Василь Петрович, можно, я у вас подсолнечное масло из кухонного стола возьму? — раздался за дверью басовитый голос соседки Тихоновны.

— Разумеется, Тихоновна, возьми, — ответил я. — Только оно у меня давнишнее, с осадком. Понюхай сначала на фоне занимающейся зари.

— На каком фоне? — удивилась Тихоновна.

— Фу, что я говорю! — засмеялся я. — Ну, конечно, на фоне кухонного стола.

— Как, ты уже видишь меня на фоне кухонного стола? — послышался из трубки Лизин голос.

Я поспешно схватил трубку.

— Ни в коем случае, дорогая! Никакой кухонной утвари. Ты паришь надо мной, как богиня, как олицетворение вечной, непреходящей любви. Ты манишь меня своим таинственным, глубоководным взглядом. И вот я лечу к тебе, беру за руку, и мы осуществляем коллективную прогулку по околоземному пространству. Одни во всей вселенной. И, ослепленный красотой своей богини, я шепчу ей эти единственные слова...

— Василь Петрович, вы не будете возражать, если я прокручу говядину через вашу мясорубку? — снова пробасила Тихоновна.

— А богиня без костей? — деловито осведомился я у Тихоновны, зажав микрофон рукою.

— Какая богиня? — не поняла Тихоновна.

— То есть не богиня, а эта... говядина, — поправился я.

— Без костей, Василь Петрович.

— Ну крути, Тихоновна, на здоровье.

— Милый, ты кому-то другому шепчешь слова любви? — спросила Лиза.

— Кому же их шептать, — страстно сказал я в трубку, — если в этом мире меня тревожат только твои волосы, огненные, как дневное светило, твой голос, необъяснимый, как зов космической бездны? А больше меня ничего не тревожит.

— Василь Петрович, мясорубка заедает! — взволнованно обратилась ко мне Тихоновна.

— А нож не забыла поставить? — спросил я, спрятав трубку в карман.

— Не забыла.

— Значит, все дело в ручке. Разболталась она.

— Но у вас-то мясорубка работала.

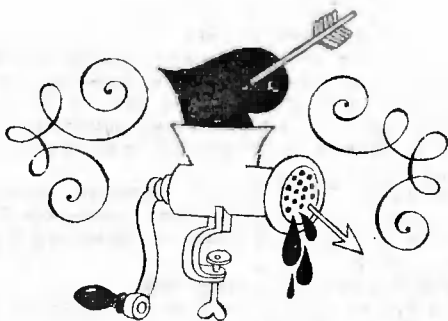
— И еще как, Тихоновна! — ответил я горячо. — Да это же божественная мясорубка. Сходящий с нее фарш напоминает прическу кинозвезды, ее мелодичный скрежет подобен журчанию весеннего ручейка... Ах, мясорубка, мясорубка! Милое, прелестное создание!

— Кому предназначены все эти комплименты? — спросил из кармана гневный Лизин голос.

— Тебе, дорогая, только тебе! — сказал я, мгновенно выхватив трубку. — Разве не твои волосы ниспадают водопадом, как у кинозвезды, разве не твой голос журчит весенним ручейком?.. Ах, мясорубка, мясорубка! Милое, прелестное создание!..

Трубка залаяла на меня частыми гудками.

За дверью насмешливо журчала мясорубка.

ПОД РУБРИКУ

Изобразив на физиономии неподдельную скромность, я открыл дверь первого редакционного кабинета и спросил:

— Куда мне обратиться? Я тут кой-чего совершил.

От стола метнулась и спряталась за шкаф женщина.

— Не пугайтесь! — успокоил я ее. — Я не убивал, не грабил, а совершил благородный поступок. Под рубрику «Так поступил бы каждый».

Она вышла из-за шкафа и вопросительно окинула мою преисполненную благородства фигуру.

— Я нашел женскую сумочку с документами и крупными купюрами. — Выдержал знаменитую качаловскую паузу и добавил: — Хочу вернуть ее законной владелице.

— В чем же дело? — удивилась она. — Верните.

— Вернуть-то нетрудно, — сказал я, загадочно улыбаясь. — Тем более в паспорте имеется адрес. Трудно быть благородным. Все-таки не пять рублей. На эту сумму можно холодильник купить или шубу. Однако я устоял перед соблазном. И знаете, почему?

— Нет, не знаю! — заинтересовалась она.

— Я сразу вспомнил все, что писала ваша газета о людском благородстве. И почувствовал в себе полную готовность к аналогичным поступкам. И вот стою перед вами, живой герой еще не написанной заметки.

— Покажите сумочку, — сказала женщина, заметив сверток, торчащий из кармана моего плаща.

— Показать-то недолго. Взял и показал. А где у вас фотоаппарат?

— В нашем отделе фотоаппарата нет.

— Нету? — надрывно переспросил я. — И после этого я должен представить вам сумочку?! А кто зафиксирует на пленку торжественный акт передачи ценной находки, чтобы проиллюстрировать заметку о моем благородном поступке?

— Никто. И вообще отнесите сумочку в бюро находок.

— Странно. Я рассчитывал на более теплый прием. По-моему, вы чего-то недопоняли. Человек, поступивший благородно, сам идет к вам в руки. Не нужно бегать за ним, посылать на его поиски корреспондентов. Он стоит перед вами, готовый приносить в редакцию все свои находки.

— У вас есть и другие находки?

— Пока нет, но могут появиться. И если сейчас редакция не

поддержит мой порыв, в дальнейшем я еще подумаю, стоит ли быть благородным.

— Дайте-ка сюда сумочку,— потребовала моя собеседница.

— Так и быть, возьмите,— сказал я, подумав.— В конце концов торжественный акт передачи находки легко повторить, когда на меня нацелят глазок фотоаппарата.

— Никаких повторов!— взорвалась она и заперла сумочку в сейф.— Так будет вернее. Учитывая ваше неустоявшееся благородство.

— Вероломство!— закричал я.— Отдайте немедленно сумочку! Я передумал совершать благородный поступок. Все равно о нем никто не узнает. Лучше куплю жене шубу.

— На чужие-то деньги?— спросила она, глядя на меня в упор.— Пожалуй, стоит написать о вас. Для рубрики «Уголовная хроника».

— Ах вот вы как!— возмутился я.— Теперь понятно, для чего существует рубрика «Так поступил бы каждый». Чтобы заманивать в свои сети дураков вроде меня.

— Именно для этого,— сказала она издевательски.

— Но со мной такое не повторится,— предупредил я ее.— Все находки я буду приплюсовывать к семейному бюджету. Отныне вашу рубрику придется назвать «Так поступил бы почти каждый».

РАССКАЗ КОМАНДИРОВАННОГО

Поздно. Метет. В гостинице Карусельска нет мест. Спит администратор, контролирует во сне ключи от номеров, предназначенных для областных и столичных командированных. Несу свой портфель в ночь, по закоулкам незнакомого города. На улице Шмидта захожу погреться в городской медвытрезвитель.

Три пары глаз пробуют меня на алкоголь. Трезвый. Смотрят вопросительно. Представляюсь. Знакомимся. Прошу пустить на ночлег.

— С удовольствием бы,— говорит лейтенант Шикунов.— Люди мы гостеприимные. Сами разъезжаем по городу в поисках гостей. Но принимаем их при условии кондиционности.

— Так перед вами вполне созревший командированный,— убеждаю я.— Замерзший. Голодный. Небритый. Не спавший двое суток.

— Сочувствуем и соболезнуем,— встревает в разговор второй

милиционер, совсем молоденький, с девичьими глазами.— Но кондиционность ваша как бы не наша. Для полного созревания вам необходимы граммов двести — триста.

— Где их взять в такой час? — потерянно говорю я.— Да и язва у меня. Двенадцатиперстной кишки. Алкоголь противопоказан.

— Эх, жаль человека! — оттаивает лейтенант.— Видать, с ног валится. Но нарушить приказ не имеем права. Разве что...

— Что разве? — подхватываю я.

— Разве что клиентура не поступит. Такое бывает. Редко, но бывает. Раз в квартал.

— Сегодня именно тот случай,— убеждаю я.— Метель. Мороз за двадцать. Пьяные разбрелись по домам.

— Поедемте с нами по городу,— предлагает Шкунов.— Если никого не привезем, так и быть, заночуете у нас. Возьму грех на душу.

Покорно лезу в кабину. По левую сторону от меня за рулем молоденький милиционер Прокопенко. По правую — лейтенант Шкунов. Переключатель скоростей натужно трется о мое колено. Выдавший виды милицейский фургон с трудом набирает скорость.

Я тревожно вглядываюсь сквозь метель в пустые улицы. Если подвернется какой-нибудь любитель повалиться в сугробе, тогда прощай теплая постель. Но сугробы стоят непомятые, как подушки на застеленной постели. Пьяных нет.

— Заворачивай к промкомбинату «Болт»,— командует лейтенант шоферу.

Минут через пятнадцать мы подъезжаем к промкомбинату. Машина резко тормозит. Мои попутчики, словно сговорившись, выскакивают из кабины. Вылезаю и я. Шкунов стоит около какого-то парня. «Трезвый»,— мелькает у меня. Прокопенко догоняет второго. Тот сопротивляется, сбивает милиционера с ног. Короткая борьба, и Прокопенко подводит к машине пьяного парня.

«Все погибло! — переживаю я.— Не мне, не мне достанется постель в гостеприимном выпрезвителе. Ее получит этот юный шалопай с лицом плута. Везет же людям!»

Обоих парней ведут в проходную. Для выяснения личности. Так как пьяный с неизвестной целью восседал на промкомбинатовских воротах. А трезвый бесцельно любовался его поведением.

Вахтер в проходной держится нейтрально. В глазах протрация. Никого не одобряет и не осуждает. Держится на расстоянии. Чтобы невзначай не зашибли. И для верности приговаривает:

— А я что? Мое дело — сторона.

Трезвого парня Шкунов отпускает, перенеся в блокнотик данные из его документов.

Пьяного, Александра Ловилова, токаря «Болта», доставляют в выпрезвитель.

— Ну что, Сашка, будем раздеваться? — усевшись за стол, обращается Шикунов к токарю.

— Ни в жизнь, — говорит Сашка. — Тут не баня. И не медосмотр.

— Разденем насильно, — угрожает Проколенко.

— А раздевайте, — куражится Сашка. — Даже приятно, когда тебя раздевают, как ребенка.

Его раздели и под ручки отвели в постель.

Он положил ноги на подушку и сладко уснул.

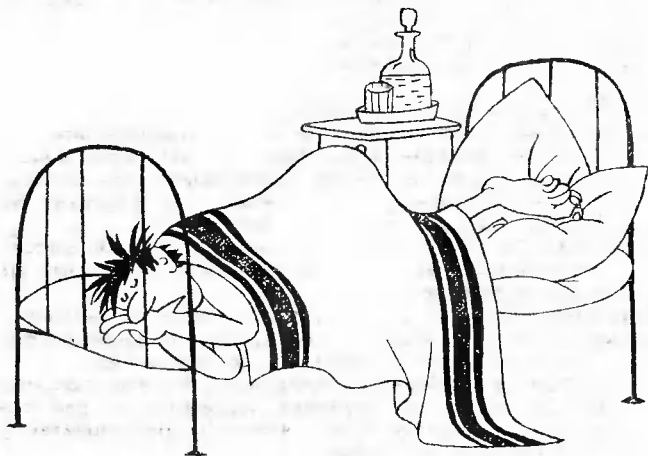
— Удивительно, — говорю я, от усталости опуская голову на пухлый журнал регистрации клиентов. — Какого-то пьянчужку привозят сюда в машине, заботливо укладывают в постель. А бедного командированного мытарят почем зря.

— Если бы не «Болт», — оправдывается Шикунов, — иной раз можно было бы и трезвого командированного приютить. А «Болт» только в январе дал пятьдесят одного клиента.

Я отрываю голову от журнала. Выхожу на улицу.

Метет.

В гостинице нет мест.

ДЕСЯТЫЙ ПОЗВОНОК

Буду откровенным: до этого дня я носил в рюкзаке лишь грязное белье в прачечную. Поэтому о коварстве свиной тушенки я ничего не знал. Оказывается, в рюкзаке она превращается в свинцовую и ведет основательный переучет позвонков туриста.

На выходе из метро мой приятель Стаська (он и заманил меня в поход) помог снять рюкзак. Мы с трудом дотащили его до пригородных касс.

Здесь нас поджидали остальные члены туристской группы.

— Предлагаю съесть всю тушенку сейчас, — сказал я руководителю группы Мише. — Чтобы зря не таскаться с ней.

— В холодном виде? — спросил он, сгорчив гримасу.

— Можно и в холодном, — ответил я.

— Интересное предложение, — сказал он. — Жаль, обсудить его некогда: объявлена посадка на электричку.

Стаська накинул на меня рюкзак. Я пригнулся к земле и, пропарывая головой воздух, двинулся вперед. Дважды терял из виду ориентир — Стаськины кеды — и наткался на чьи-то животы. Стаська подбегал и разворачивал меня в нужном направлении.

— Что-то в желудке сделалось просторно, — пожаловался я, когда мы сошли с электрички. — Самое время перекусить.

— Угостите его конфеткой, — посоветовал Миша.

— Хотелось бы чего-нибудь более весомого, — затосковал я.

— Не свиной ли тушенки? — намекнул Миша.

— Неплохая мысль, — блаженно улыбнулся я.

— Остановку, как намечено, сделаем через час, — отрезал Миша.

И мы углубились в лес. Тушенка пересчитывала мне позвонки. Где-то в районе десятого позвонка я сложился пополам. Выглядеть стал более компактно, но обзор местности ухудшился. Стаська шел впереди, как поводырь. Время от времени он чем-нибудь восхищался.

То его изумляла пеночка.

— Какая неповторимая трель! — верещал он, разглядывая пеночку в бинокль. — А с виду невзрачный комочек из перьев.

— Взвалить бы на нее рюкзак, — ворчал я, — по-другому запела бы. А налегке каждый может горло драть.

Или же Стаське попадалась на глаза лягушка.

— Если присмотреться — эlegantное создание, — рассуждал он. — Прыгает, как балерина.

— Без тушенки, вот и прыгает,— задышался я.— А взвали на нее одну баночку — и конец балету.

Местность оказалась пересеченной. Мы то взбирались на холмы, то спускались с них. При восхождении рюкзак тянул меня назад, при спуске — придавал ускорение, и я, царапаясь о ветки, стремительно падал на руки заботливого Стаськи.

Иногда попадались речки. С бревнами вместо мостов. Я перебирался ползком, а если повисал вниз головой, меня подтягивали к берегу вместе с бревном.

Рюкзак тяжелел. Вскоре я ковылял на четвереньках, напоминая одногорбого микроверблюда. Кончилось тем, что я распластался на земле.

— Немедленно выньте меня из-под мешка,— потребовал я от склонившихся надо мной туристов.— Я вернусь на станцию.

— Уже привал,— сказал Стаська и освободил меня от рюкзака. Разожгли костер. Сварили лапшу, бросили в нее, к моей великой радости, тушенку. Протянули миску с дымящейся едой.

Я с остервенением набросился на ненавистные мне консервы. Съел одну миску, расправился со второй, с третьей...

По всему телу разлилось тепло. Я лег на траву и погрузился в сладкую дрему. Мстительное чувство к тушенке постепенно утихло...

КАПИТУЛЯЦИЯ

Я лежал на софе и курил. Сверху послышался едва различимый стук.

Неужели они не понимают, подумал я, что их пол является с обратной стороны моим потолком? Стучат по своему полу, а одновременно бухают по моему потолку. Возмутительно! Нужно тоже постучать. А то подумают, будто я испугался.

Я взял швабру и предупредительно постучал в потолок. В ответ постукали несколько погромче. Я не остался в долгу.

Наверху остервенело заплясали.

Плясать на потолке я не мог. Раскрыл философский словарь, забрался на шкаф и продекламировал соседям статью «Всеобщая связь явлений».

Наверху раздался продолжительный звонок: соседи завели будильник.

Мне ничего не оставалось, как включить электробритву «Нева» и с помощью швабры приблизить ее к потолку.

Наверху забегали в поисках ответной меры. Наконец я услышал издевательское: «Тишина за Рогожской заставою...» Пластинку поставили.

Я тоже перешел на лирику и завел «Спят курганы темные...».

После лирической передышки соседи начали швырять на пол металлическую посуду.

Я взял на вооружение пылесос, подвесив его к люстре.

Надо мной запели «Эй, ухнем!». В два голоса.

Я включил на всю громкость радио.

В ответ наверху залаяла собака.

У меня собаки нет. Пришлось лаять самому. Я делал это с большим энтузиазмом, чем соседская собака. И вскоре ее сняли с повестки дня. Как не справившуюся с поставленной задачей.

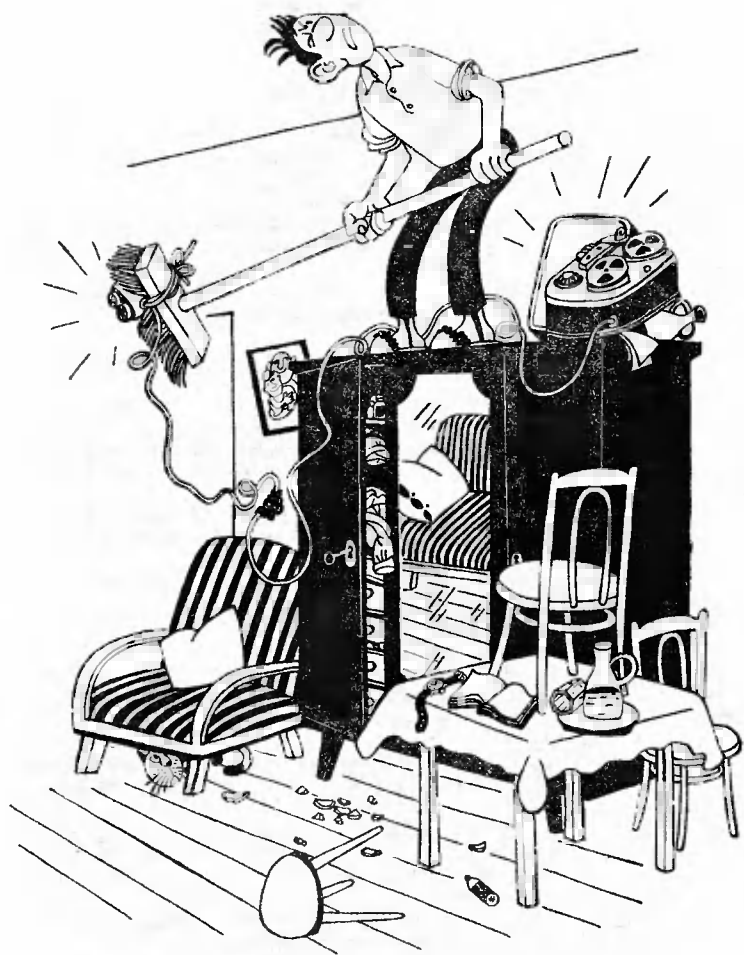
Наступило затишье.

Я стоял на шкафу, приложив ухо к потолку. Внезапно раздался оглушительный треск, и я свалился вниз. Наверху затарахтел мотоцикл.

Я заметался по комнате в поисках контрмеры. Ничего подходящего под рукой не оказалось. Я схватил магнитофон и побежал на ближайшее строительство. Здесь быстренько записал шум, сопровождающий забивание свай.

Этого соседи не ожидали. Грохот мотоцикла потонул в прекрасных звуках современного индустриального ритма.

Вскоре они капитулировали, помахав перед моим окном махровым полотенцем.

НЕДЕЛЯ ПРОТЕСТА

Жену я вообще-то люблю. Думаю, и она меня любит. Но категорически утверждать не берусь — справок у нее не наводил. Все некогда: работа, футбол, домашние дела...

Но соперники, знаю, у меня есть. Это лощеный красавец паркет, полированная мебель, а также кафель — неженка и аристократ в белой сорочке, проживающий на кухне и в ванной. От них жена без ума. А я страдаю: мебель полирую, делаю из кафеля картинку, из пола — большое живописное полотно (палитра — скипидарная мастика). Но главное мое бедствие — трактат «О хорошем тоне», любимая книга жены. Она напичкана инструкциями о поведении человека в кругу семьи и в других, внесемейных кругах. Мечта моей жизни — выдрать из трактата все полезные советы и заворачивать в них замазку и гвозди.

Каждый мой неверный шаг в кругу семьи жена сопровождает цитатой. В прочих кругах она толкает меня локтем в бок.

Мне категорически запрещено свистеть, громко разговаривать, стряхивать пепел с сигареты на пол, сидеть во время еды так, как мне удобно, выплевывать косточки от компота непосредственно в тарелку (правильный путь косточки: рот — ложка — тарелка), держать вилку в той руке, в какой нравится.

От такой степенной жизни, бывает, затоскуешь. А на этой почве разные формы протеста возникают. Иногда мне хочется навсегда уйти от налаженного женою быта: выпрыгнуть, к примеру, в окно или подключиться вместо утюга к электросети. Представляете, в каком состоянии мои нервы? Кто понимает, тот посочувствует. На днях мне повезло: я подсызрел для очередного протеста, а жена как раз уехала в командировку.

Когда я остался в квартире один, то первым делом отомстил соперникам. В кафель запустил помидором, затем обмакнул палец в варенье и написал: «Кафель — дурак». Из пакета я сделал мокрую курицу: вылил на него кастрюлю клюквенного киселя. Надоевшую мне книжонку вышвырнул на балкон под дождь.

И принялся вкушать свободу. Презрев вилки, а также отказавшись от помощи рук, я поедал пищу, как животное. При этом я раскрепощенно сопел, урчал, причмокивал. Косточками от компота я плевал в потолок, стараясь попасть в люстру. После еды я закурил. Пепел щедро стряхивал на пол, кое-что перепало и мебели. Одновременно я отводил душу свистом, выкриками, ауканьем и хохотом. Понаслаждался свободой слова и свиста, встал на четвереньки и в приподнятом настроении забегал по квартире. Иногда

помычу, иногда поблею. Могу, думаю, залезть и на антресоли для кукареканья. Все могу.

Попротестовал я таким манером недельку и поостыл. Захотелось чего-то другого... Ты прав в своей догадке, читатель! Налаженного быта захотелось. Завтра побегу с цветами на вокзал: жена приезжает!

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

(Пародия)

Многоуважаемые работники перьев!

В нашем Надреченске превалируют безотрадные факты. Их безотрадность бросается в глаза всякому мыслящему гражданину. Как таковому мне трудно удержаться от малоутешительных наблюдений. Из которых сами собой вытекают выводы.

Наблюдение первое. Асфальт в жаркую погоду. Чем по нему ходят? В основном ногами, одетыми в разнообразную обувь. Если взять женские ноги, так мы заметим на них шпильки. Ноги не будем трогать, остановимся на шпильках — яром враге тротуарного покрытия. Шпильки бездумно вдавливаются в асфальт владелицами ног и образуют характерные углубления (по предварительным подсчетам — около полумиллиона углублений). Все улицы словно изъедены оспой, и при хождении по ним уже не получаешь желаемого эстетического наслаждения.

Вывод: в связи с ранимостью асфальта горкоммунхозу необходимо разработать и расклеить по городу инструкцию «Как пользоваться тротуаром в жаркую погоду». Шпильки при температуре 25 градусов выше нуля следует объявить персоной «нон-грата».

Наблюдение второе. Горгазета «Призыв». Дважды в конце предложений упущены точки. На месте точек, как ни приглядывайся, зияющая пустота. Будто так и надо. А на деле злостное нарушение грамотности, издевательство над читателем. Последний в поисках запропастившихся знаков препинания не вкушает полноценного прочтения статей.

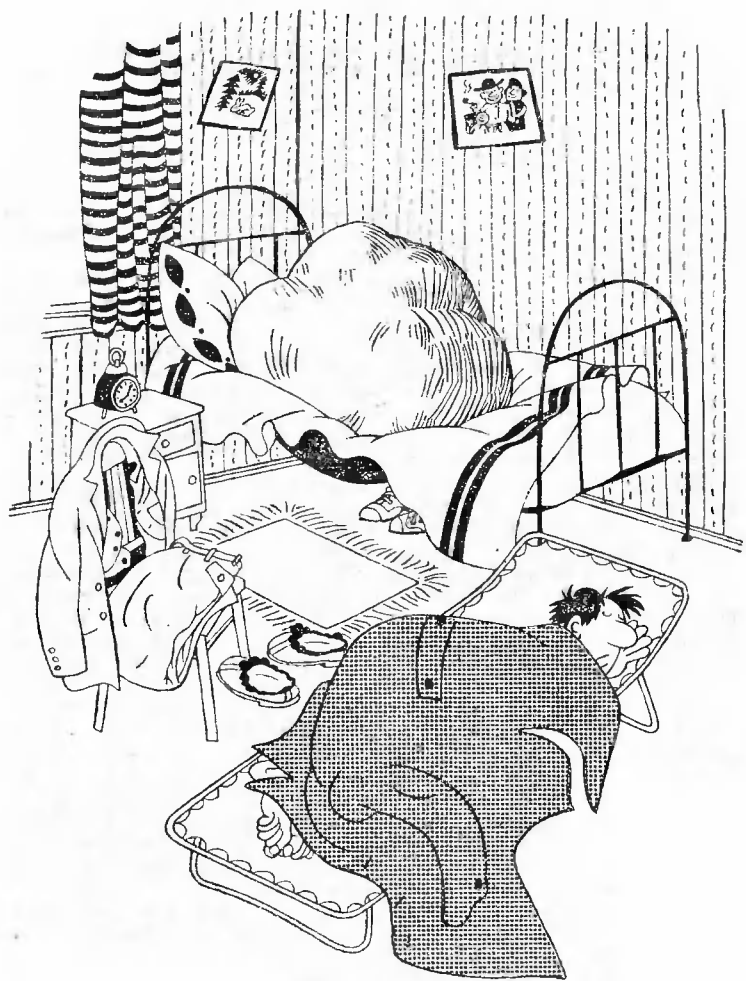
Вывод: вызвать редактора в горком и в категорической форме спросить, куда он разбазарил точки. Обесточечные газеты у граждан изъять, точки допечатать.

Наблюдение третье. Незвестная курица. Эта домашняя птица гуляет по улице имени глашатая и главаря — Маяковского. Она препятствует беспрепятственному фланированию пешеходов и движению транспорта, компрометирует своей дурацкой выходкой пейзаж нашего славного города, по которому ходят передовики производства, персональные пенсионеры и матери-героини.

Особые куриные приметы: хвост наполовину выдран (я пытался поймать нарушительницу и частично оторвал его), припадает на левую ногу (по той же причине).

Вывод: органы милиции обязаны выяснить, кто пасет курицу на

улице революционного поэта Маяковского; если она бесхозная — выдать лицензию на ее отстрел.

Наблюдение четвертое. Сквер. В сквере у нас, чередуясь с зелеными насаждениями, стоят лавочки. На лавочках, чередуясь с пенсионерами, сидят так называемые влюбленные. Чуть стемнеет — пенсионеры уходят на заслуженный сон. Влюбленные же — я проверял — используют наступившую тишину в своих корыстных интересах: целуются жадно и долговременно. Я несколько раз подходил к ним, спрашивал, который час. В ответ ни звука. Пытался одергивать их, разъяснять, как и где положено целоваться, пугал прокуратурой. Куда там! Поцелуи следовали один за другим.

Вывод: горсовету не мешало бы отвести для всяческого рода поцелуев специальный уголок, недоступный посторонним взглядам. Перед входом в сквер повесить объявление «У нас не целуются».

Наблюдение пятое. Огромный камень. Из породы валунов. Высота — полметра. Вес установить не удалось. Подложен на мою кровать неизвестными лицами. Мстят за убеждения. Второй месяц сплю на раскладушке.

В «Сельхозтехнике» не дают кран, чтобы подцепить валун. Говорят: «Как занес, так и выноси». Сговорились. Думают, буду глядеть на камень и нервничать. А я его в наволочку. Подушка и подушка.

Вывод: местным властям письмо не направляйте — у них правды не найдешь. Шлите репортера, согласного поменять свою профессию на профессию крановщика.

С упованием на ваши принципиально разящие перья
АСТИГМАТИТОВ Ф. Ф.

ЖИВАЯ РЫБА

Зашел я с работы в «Гастроном», а там щуку продают живую. Стал в очередь. Очередь двигалась быстро. Продавец споро орудовал килограммовой гирей. Глухой удар, и рыба ложится на весы, так никогда и не узнав своего живого веса.

— Мою, пожалуйста, не убивайте,— попросил я продавца.

Он стал бросать облюбованную мною щуку на весы, но она всякий раз изворачивалась и оказывалась на полу.

— На вид не меньше пяти килограммов,— сказал умаявшийся продавец.— Желаете живую, платите за пять с половиной.

Я заплатил и получил щуку живьем. Хотел сохранить ее в свежем виде до дня своего рождения. Но она оказалась буйной, и справиться с ней было нелегко. В метро она совсем обнаглела и хвостом выбила из моей руки пятак. Я наклонился за ним и выпустил щуку. Она вольготно раскинулась между автоматами.

— Гражданин, ваша живность? — обратилась ко мне работница метрополитена.

— Моя,— ответил я.

— Провоз животных и птиц запрещен.

— Она не животное и не птица,— сказал я.— Она щука. Полуфабрикат фаршированной рыбы или заливного. Смотря на чей вкус.

— Полуфабрикаты сами не бегают. А съедобных животных нужно провозить в мертвом виде.

— По-моему, она уже мертвая,— огорченно сказал я.

Щука притихла. Я поднял ее осторожно, как ребенка, запеленал в газету и пронес через контроль.

Но, видимо, шум эскалаторов напомнил ей знакомые речные звуки. Она мотнула хвостом, дернулась всем телом и упала.

Я хотел поднять ее, но поскользнулся и вцепился в перила эскалатора. Щука же припустилась вниз, перескакивая со ступеньки на ступеньку.

— Убежала! — завопил я и бросился следом за рыбиной.

— Чем вы докажете, что щука ваша? — спросила меня дежурная по эскалаторам.

— Если рыба принадлежит ему,— вмешался один из пассажиров, прикрыв щуку портфелем,— он сможет сказать, сколько у нее плавников.

— Столько же, сколько у всех остальных щук.

— А конкретно? Неужели в магазине вы ей не пересчитали плавники?

— Для чего?

— А вдруг это неполноценный экземпляр?
— Может, мне надо было и глаза пересчитать?
— Кстати, скажите, какой у нее цвет глаз?
— Такой же, как у вас. И выражение глаз то же. Наглое. Видите, что пальто мое в рыбьей чешуе, а устраиваете допрос.

Тут дежурная обратила внимание на мое пальто и сказала:

— Ясно. Забирайте свою щуку.

Я схватил щуку и побежал к поезду. Мужчина с портфелем бросился за мной, но мне удалось прошмыгнуть между закрывающимися створками дверей и избавиться от него.

— Чешуя не доказательство! — крикнул он, прильнув к стеклу. — Вы могли потереться о чужую рыбу.

Щука неожиданно зашевелилась, попыталась вырваться из рук и ударила хвостом по стеклу.

— Откройте двери! — закричал человек с портфелем. — Рыба не признает в нем хозяина!

Но поезд уже тронулся. Я сделал этому зануде ручкой.

С БИБЛИЕЙ В РЮКЗАКЕ

— А теперь, товарищи родители, перейдем к Белову,— сказала классная руководительница Клавдия Васильевна.— Белов, можешь войти.

Дверь приоткрылась, и перед собранием предстал флегматичного вида верзила.

— Поведай-ка нам, Белов, предварительно вынув руки из карманов, о своем хулиганском поступке,— попросила учительница.

— Ну что я могу поведать? — спокойно сказал Белов.— Ну принес я в школу кулич со свечкой. Ну поставил его на стол астрономичке.

— И это в пасху-то! — воздела руки Клавдия Васильевна.— Неслыханно! Зачем же тебе понадобилась эта церковная пропаганда! Кто тебя подослал к нам?

— Один веселый монах,— невозмутимо ответил Белов.— Конкретно — Франсуа Рабле.

— Не выдумывай: Рабле давно умер.

— Умер,— согласился Белов.— Но перед смертью он оставил мне завещание — «Гаргантюа и Пантагрюэль».

— Нет, каков гусь! — залюбовалась на него Клавдия Васильевна.— Над родительским взором издевается! Ответь: кто тебя отуманил религиозным дурманом?

— Я сам отуманился,— ответил Белов.

— Пойми, садовая голова, сегодня ты принес кулич, завтра — икону, а послезавтра устроишь в школе крестный ход. Ну, скажи, устроишь?

— Не знаю,— замялся Белов.— А где я иконы возьму?

— Захочешь — достанешь,— успокоила его Клавдия Васильевна.— Всю школу ими увешаешь. В кабинете физики колокольню соорудишь...

— В кабинете химии,— поправил ее Белов.— Там акустика лучше.

— ...кружок по изучению библии откроешь, экскурсию организуешь к святым местам.

— Турпоход к гробу господню,— уточнил Белов.— Сбор у Курского вокзала в семь ноль-ноль.

— Так у вас, оказывается, целая группа религиозных фанатиков гуляет по родному краю? — удивилась Клавдия Васильевна.— По каким же местам вы ходите?

— Пути господни неисповедимы,— смиренно ответил Белов.

— Наверное, рюкзаки вместо консервов библией набиваете?

— Ага,— сказал Белов.— Набиваем. А вместо туристских песен у костра «Отче наш» поем. На мотив «Летки-енки».

— Ну, хватит, Белов, морочить нам голову. Скажи честно: веришь в бога?

— Нет,— осклабился Белов,— я, Клавдия Васильевна, атеист. Просто люблю подурчаться, как мой веселый завещатель...

КОСТОЧКА

Я подавился косточкой. Произошел этот эпизод по месту жительства моей бабушки. Она и подсунула мне воблу, косточка от которой воткнулась в горло.

Пришлось шлепать в поликлинику. Просунул я голову в окошечко регистратуры и рассказал все как есть: про бабушку, бабушкину воблу и воблину косточку.

— Так кто из вас подавился? Бабушка или вы? — спрашивает девушка-регистратор.

— Подавился непосредственно я. По фамилии Сонькин. И косточка находится при мне.

Смотрю, девушка взбирается на стремянку. Юбочка у нее коротенькая, а ножки, как говорят артисты, волнительные. Наверное, думаю, это новый метод извлечения из горла посторонних предметов. Засмотрится больной на такую красоту, раскроет рот от изумления, и косточка, словно кузнечик, сама выпрыгнет из горла.

В моем случае новый метод эффекта не дал. Поэтому я спросил у девушки:

— Простите, вы что-нибудь ищете?

— Не нахожу вашей карточки,— ответила она, грациозно спустившись со стремянки.

— Правильно,— подтверждаю.— И не найдете. Я здесь ни разу не был.

— Так что же вы толкуете про бабушку? — возмущается девушка.— Позвольте ваш паспорт.

— Пожалуйста,— протягиваю я ей паспорт.— Только косточка не в нем, а во мне.

Полистала она мой документ и говорит:

— Обслуживать вас не можем. Не наш вы.

— Как не наш? Вроде мне паспорт выдан не иностранной державой. Может, вам мой портрет не понравился?

— Понравился,— говорит.— Больше чем оригинал. А не наш вы по территориальности. И косточка ваша к нам касательства не имеет.

— Откуда вам известно? Вы же ее не видели.

— И видеть,— отвечает,— не хочу. Надо думать, прежде чем кости глотать. Вы где живете? В Заречном районе живете. Вот и давитесь воблой по месту прописки. А наш район оставьте в покое.

И повез я косточку на другой конец города, то есть в район проживания. Там ее признали за свою и извлекли.

А рассказал я эту историю из жалости к читателю, который страсть как любит пропустить кружечку пивца под воблу. Чтoб он определялся в пространстве, прежде чем давиться косточкой.

ПОЛНОЕ ОСЛЕПЛЕНИЕ

Заведующий автошколой Бычков раскрывает передо мной свою душу. В раскрытом состоянии душа его кажется такой чистой, будто ее только что выстирали с помощью порошка «Идеал».

Но я не верю и пытаюсь разглядеть в его душе хоть какое-нибудь пятнышко. А разглядеть не могу. По той причине, что Бычков выставляет себя в лучшем свете. Нахваливает себя. И над головой его вследствие этого возникает сияние, которое и ослепляет меня. Как ослепляют фары встречного автомобиля.

— Ну до чего же я расчудесный человек! — говорит Бычков.— За последний период отношусь к курсантам, словно к детям, родным. Иной раз так и хочется потрепать их по головке, поцеловать в лобик.

— А желания покуражиться над курсантами у вас за последний период не возникало?

— Нет, такого желания за последний период не возникало.

— Выходит, что за последний период вы ни по чьей голове указкой не стучали?

— Указкой? Отдельный подобный факт наблюдался. Но стукнул я курсанта по-отечески. Да и не стукнул, а пожурил, почти приласкал. Не смог совладать с нахлынувшими чувствами. Где, думаю, он еще встретит такое ласковое отношение?

— Если вы за последний период такой ласковый, то зачем рисовали мелом на одежде курсантов двойки?

— Такой отдельный факт наблюдался. Но наблюдался по уважи-

тельной причине. Я не стремился заклеить позором неуспевающего курсанта. Нет. А только захотелось мне сотворить что-нибудь эдакое знаменательное для закрепления собственного образа в памяти учеников. Взял и нарисовал на спине курсанта двойку. Пусть, думаю, не забывает старика.

— Ну, а для чего вы за последний период рисовали женщин... того... не одетых?

— Был и такой отдельный факт. Этот предмет я изображал не на курсантах, а на их ответах по правилам уличного движения. На бумажках то есть. Но подобные отдельные факты наблюдались не только со мной. Они наблюдались с Тицианом, с Гойей и другими художниками прошлого. Мне хотелось показать будущему шоферу, на какое прекрасное творение природы он может совершить наезд, если не изучит правила.

— Еще один вопрос: за последний период вы часто посылали курсантов в продмаг за водкой?

— Отдельные подобные факты наблюдались. Но пил я исключительно в воспитательных целях: демонстрировал на себе губительное действие алкоголя. И этим воспитывал у курсантов отвращение к пьянству. Короче, их тройки даром не пропадали...

Так мы с ним беседовали. Сияние над головой Бычкова разрасталось. Наконец наступил момент моего полного ослепления. Встал я со стула и на ощупь направился к двери...

Любовь и кибернетика — исследованию этой злободневной современной проблемы писатель-сатирик Олег СИДЕЛЬНИКОВ посвятил рассказ «АМУР-70», который и дал название его сборнику. Здесь же читатель найдет и другие веселые анализы сатирических характеров и юмористических ситуаций.

«ИЗВИНИТЕ ЗА ГРУБОСТЬ» — просит читателей Елена ЦУГУЛИЕВА, назвав так свою новую книжку рассказов и фельетонов.

Уважим просьбу автора. Извиним.

Как Дулдулбек сохранил себе жизнь, чем знаменит Громогласный, почему хитрый Киличев прикидывался больным и даже как вел себя «КЛЕВЕТНИК НА ТОМ СВЕТЕ» — обо всем этом и многом другом читатель узнает из одноименного сборника рассказов, фельетонов и стихов узбекского сатирика МИРМУХСИНА.

Цена 11 коп.

**БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА
1970**